

Р1(с132)

т.к. Т46

Тихвинский Ф.

Народные тревоги

~~10023~~

~~92789~~

k 41916

Р. (с. 132)
Г. К. Т. 46

Михайлов Р.

Т. 46
Г. К.

О. К.

Титвинский Р.

НАРОДНЫЯ ТРЕВОГИ.

1. Пастухъ.

По обѣимъ сторонамъ не большой извилистой рѣки Мокрицы расположено село Мокрое. Небольшое село это состоитъ всего дворовъ изъ сорока и дѣлится рѣкою на двѣ стороны. При концѣ села, на крутомъ обрывѣ томъ берегу рѣки стоитъ не большая, но красивая церковь, а около нея ютятся дома церковнаго причта. Нельзя сказать, чтобы жители села были особенно богаты, но нѣтъ между ними и особенно бѣдныхъ, а главное всѣ они тихи и миролюбивы. Земля въ здѣшнемъ краѣ достаточно плодородна, а потому и жители занимаются исключительно земледѣліемъ, мирно и дружно воздѣлывая поля свои. Никакихъ другихъ домашнихъ промысловъ у нихъ не существуетъ, потому что не унаслѣдовали они ихъ отъ своихъ предковъ, въ промыслы отхожіе никто также не пускается, такъ какъ не выработалось для этого ни привычки, ни обычая, а потому крестьяне этой мѣстности живутъ одиноко и болѣе или менѣе изолированно отъ остальнаго Божьяго міра; рѣдко заглядываетъ къ нимъ въ

село кто нибудь изъ постороннихъ, еще рѣже заглядываютъ они сами къ постороннимъ. При такой замкнутой жизни общественной умственный кругозоръ крестьянъ хотя тѣсно ограниченъ, но за то устойчивъ. Крестьяне въ первобытной чистотѣ продолжаютъ соблюдать всѣ вѣрованія своихъ предковъ и твердо вѣрятъ во все то, во что вѣрили ихъ отдаленные дѣды и прадѣды безъ всякихъ примѣсей и измѣненій. Вѣрованія эти такъ устойчивы и потому такъ заразительны, что даже посторонній человѣкъ, не принадлежащій къ кореннымъ туземнымъ обитателямъ, проживши здѣсь довольно времени, невольно склоняется передъ ними и подчиняется имъ, какъ бы онъ ни былъ въ началѣ вооруженъ противъ нихъ. Примѣръ этой силы и неотразимости мѣстнаго народнаго міровоззрѣнія наглядно можно видѣть на мѣстномъ священникѣ о. Родіонѣ. Отецъ Родіонъ уже почтенный старичекъ, служитъ здѣсь болѣе тридцати лѣтъ, живетъ съ прихожанами душа въ душу. Въ теченіе этого длиннаго періода обитанія въ селѣ Мо-
кромъ и жизни въ средѣ крестьянъ „душа въ душу“ съ ними онъ успѣлъ усвоить себѣ весь ихъ не только житейскій, но даже отчасти умственный и моральный кругозоръ, стѣснивъ и сѣзвивъ его границы до условныхъ мѣстныхъ границъ, и дѣло это совершилось не замѣтно, само собою подъ вліяніемъ общественной среды и времени. Правда остатки прежняго уже давно заглохшаго міровоззрѣнія вызываютъ еще въ немъ иногда протестъ противъ нѣкоторыхъ понятій и поражаемыхъ ими явленій въ окружающей средѣ, но теперь этотъ протестъ уже чисто только формальный, онъ является въ немъ только какъ слѣдствіе нѣкоторой логической связи отдаленнаго прошлаго съ измѣнившимся настоящимъ, а потому и бываетъ крайне безсиленъ, какъ не имѣющій для себя никакой твердой почвы. Такая перемѣна хотя быть можетъ и послужила для о. Родіона въ ущербъ въ отношеніи интеллектуальному, за то выиграла для него много въ другихъ отношеніяхъ. Она ближе сплотила его съ своимъ приходомъ, ввела его въ кругъ житейскихъ интересовъ прихожанъ, ихъ взаимныхъ отношеній, общественныхъ нуждъ и несчастій, сдѣлала его дѣйствительнымъ, настоящимъ

членомъ своей общины, и, конечно, не безъ пользы. И жилось бы всѣмъ этимъ обитателямъ села безмятежно и мирно, каждый могъ бы спокойно почивать и наслаждаться подъ сѣнію своей смоковницы, если бы ихъ міръ отъ времени до времени не возмущали колдуны, какъ они возмутили его въ то время, о которомъ мы поведемъ рѣчь.

Былъ самый полдень теплаго іюньскаго дня. Въ селѣ Мокромъ окна всѣхъ домовъ были настежь открыты, потому что время было обѣденное, и народъ въ это время находился по домамъ. Открыты были окна и въ не большомъ домикѣ священника о. Родіона, который въ это время сидѣлъ у одного изъ нихъ. Въ селѣ было пустынно и царила полная тишина, потому что весь народъ занятъ былъ своимъ скромнымъ обѣдомъ. Только вдругъ изъ одного конца села сталъ доноситься до слуха о. Родіона неопредѣленный крикъ, который постепенно усиливался и возрасталъ, такъ что наконецъ ясно можно было различить крупную брань. Чрезъ нѣсколько времени къ окну, у котораго сидѣлъ о. Родіонъ, подошелъ сельскій пастухъ замѣтно въ возбужденномъ состояніи. Это былъ приземистый старикъ, одѣтый въ рваный кафтанъ, полы котораго были заправлены за опоясывавшій его ремень. Лукавое, нѣсколько странное, лицо его было передернуто на одну сторону, отъ чего ротъ его былъ совершенно косою.

— Что ты, Трофимъ, что скажешь?—спросилъ его о. Родіонъ.

— Да вотъ къ тебѣ, батюшка, пришелъ, засвидѣтельствуй, мужики бить меня хотятъ, убить даже похваляются, совсѣмъ порушить... Такъ ты ужъ будь свидѣтелемъ... неровенъ часъ, если что случится... Я тебѣ вотъ заявляю.

— За что же они бить тебя хотятъ?

— Да за барана, батюшка, баранъ выпъ у Матвѣя залядѣлъ,—вдругъ съ нимъ что-то подѣлалось, все ходилъ въ стадѣ ничего, а вечеръ вдругъ и затомѣлъ, еле ходить, ну а Матвѣй на меня пеняетъ, ты, говоритъ, съ нимъ что нибудь подѣлалъ...

— Какъ тоестъ подѣлалъ?

— Испортилъ, вишь, порчу стало быть нагналъ. Ну а самъ ты посуди, какая мнѣ корысть въ его баранѣ? Ужъ

если бы я захотѣлъ зло какое ему сдѣлать, такъ не на баранѣ бы ужъ я его подвелъ...

— А что же бы ты съ нимъ сдѣлалъ?

— Я-то! Гм...—тайнственно промывчалъ пастухъ и хвастливо мотнулъ головою: да я шерстинки бы у него не оставилъ на дворѣ, всю скотину перезелъ бы, вотъ что я съ нимъ подѣлалъ бы! А то баранъ!

Въ это время къ окну священническаго дома подошло еще нѣсколько крестьянъ, и одинъ изъ нихъ проговорилъ, указывая на пастуха:

— Вотъ, батюшка, сами изволите слышать, какъ онъ похваляется, а тутъ съ жалобой идетъ, что бить его хотятъ! — Да ты хоть бы предъ міромъ-то не хвастался, безсовѣстный, обратился онъ къ пастуху, вѣдь ты знаешь, что отвѣтъ за это дашь передъ начальствомъ!

— Что мнѣ хвастаться-то? Нисколько я не похваляюсь, а тронь меня, такъ и узнаешь...

— Что узнаешь?

— А то вотъ и узнаешь, кто такой пастухъ Трофимъ.

— Знаемъ и безъ того...

— То-то знаешь! Ты поди-ко вонъ, спроси Микиту Старовскаго, много ли у него скотины на дворѣ осталось!

— Такъ нѣшто ты это подѣлалъ, что скотина у него водиться перестала?

— Вотъ ты и знай, кто ему подѣлалъ! снова хвастливо мотнулъ головой пастухъ.

— А за что же ты ему это сдѣлалъ?

— За то и сдѣлалъ, что не тронь меня. А тронетъ кто, такъ я ужъ тому не спущу, будетъ помнѣть на всю жизнь... Ко мнѣ же придетъ да поклонится.

— Ты вотъ что, братъ, замѣтилъ ему одинъ изъ крестьянъ: ты этимъ много-то не похваляйся, а то мы тебѣ кишки выпустимъ за такія слова!

— Тронь, попробуй, такъ волкомъ взвоешь опосля, какъ всю скотину у васъ я изведу... Во всемъ селѣ шерстинки не оставлю.

— То-то, говорю, смотри, потише выкликай такія-то слова, продолжалъ крестьянинъ.

— Нѣтъ, вы меня еще не знаете, я вотъ какой человекъ-то, прямо вамъ говорю: если только чуть мало что

нибудь, пальцемъ однимъ тронете, такъ я одной шерстинки не оставлю во всемъ селѣ! — гнѣвно кричалъ пастухъ, отходя отъ священническаго дома.

— А вѣдь и вправду смотри, что онъ, мошенникъ, подѣлалъ что нибудь съ Матвѣевымъ бараномъ, заговорили крестьяне по уходѣ пастуха. Вотъ онъ сейчасъ помянулъ про Микиту Старовскаго, а вѣдь это и правда, цѣлый годъ скотина у него не водилась на дворѣ. Вдругъ подѣлалось что-то, вся скотина заразъ поколѣла на дворѣ, а потомъ и пошло: купить корову, околѣеть, на ея мѣсто купить другую и та околѣеть.

— Такъ почему же дозвоно, что это отъ него? возразилъ священникъ.

— А потому, батюшка, и дозвоно, что онъ, мошенникъ, въ работникахъ въ ту пору жилъ у него, да разругался что-то съ хозяиномъ-то и отошелъ. Какъ только онъ отошелъ, такъ и пошло у Микиты это самое неблагополучье.

— Э, полно изъ дѣло-то говорить! перебилъ его священникъ. Не вѣрю я этому!

— Чему? Что скотину то портятъ?

— Да и вообще, чтобы была какая порча.

— Ахъ, кормилецъ, да какъ же не вѣрить-то, когда вотъ на нашихъ глазахъ народу сколько перепорчено! Вѣдь не откуда же болѣзнь эта берется, какъ не отъ нихъ злодѣевъ.

— Мало ли на свѣтѣ существуетъ какихъ болѣзней и безъ порчи! продолжалъ возражать священникъ въ духѣ либеральномъ.

— Безъ порчи, батюшка, такъ оно сейчасъ ужъ и видать, что не отъ порчи. А тутъ сами вѣдь порченные-то выкликаютъ, сами объявляютъ, кто ихъ испортилъ, такъ какъ же, стало быть, не вѣрить? Да что тутъ итти далеко! Вѣдь вотъ много ли времени прошло, какъ и надъ тобой самимъ, батюшка, хотѣли было подшутить у Миколая-то на свадьбѣ? Какъ вѣдь было подшутили?!

— Да, Богъ спасъ отъ злодѣевъ, сдася совсѣмъ уже о. Родіонъ. Зовутъ это меня на помолвку, просятъ благословить, какъ слѣдуетъ. Прихожу, первымъ дѣломъ виномъ начинаютъ подчивать, свать этотъ такъ и торопить,

чтобы поскорѣй я выпилъ. Сомнѣнье меня взяло: поставилъ рюмку я на столъ и хочу благословить ее. Только было занесъ я руку-то для благословенія какъ рюмка хлопнетъ и разлетѣлась пополамъ. Вотъ такъ помолвка, думаю, а самъ скорѣй домой, давай Богъ ноги...

—То-то вотъ, батюшка, и есть! А выпей ты такъ-то, не догадайся благословить ее, ну и пропалъ бы! Нѣтъ ужъ, что ни говори, а раззорили насъ эти колдуны; и отъ своихъ проходу нѣтъ, совсѣмъ одолѣли, а тутъ еще этотъ теперь навязался, ну что ты съ нимъ подѣлаешь? Вонъ онъ что толкуетъ: шерстинки не оставлю!

—Прогнать его, больше ничего, отозвался о. Родіонъ.

—А прогонишь, такъ онъ и вправду вѣдь что нибудь подѣлаетъ со зла, хуже только надѣлаемъ. Нѣтъ ужъ, видно, терпѣть-только одно и остается, вотъ оно какое дѣло-то! Совсѣмъ одолѣли, раззорять окаянные, и крестьянинъ безпомощно махнулъ рукой.

И дѣйствительно, колдуны и колдуньи одолѣли обитателей села Мокраго. Мы уже сказали, что село рѣкою раздѣлялось на двѣ половины; на правомъ берегу, гдѣ находилось собственно самое село, имѣлось дворовъ около двадцати пяти, и на эти то двадцать дворовъ насчитывалось около пяти колдуновъ. Нельзя было сдѣлать шага безъ того, чтобы не предпринять извѣстныхъ мѣръ предосторожностей отъ нихъ. Такихъ мѣръ извѣстно было множество, ихъ существовалъ цѣлый обширный кодексъ, которымъ строго опредѣлялся каждый шагъ сельскаго жителя для огражденія его отъ вліянія злыхъ людей. Не смотря однако же на всѣ эти мѣры, народа въ селѣ портили много. Не разъ выведенные изъ терпѣнія крестьяне предпринимали крутыя энергическія мѣры противъ своихъ колдуновъ и избивали нѣкоторыхъ изъ нихъ до полусмерти, не разъ являлись жалобы крестьянъ на колдуновъ и у мирового судьи, но порчи все таки не прекращались. Къ счастію жителей въ другой зарѣцкой половинѣ села, которая составляла собственно приходскую деревню, они имѣли и своихъ надежныхъ цѣлителей. Въ этой зарѣцкой половинѣ были также свои колдуны, но они являлись по отношенію къ жителямъ самаго села добрыми геніями—покровителями, и дѣло какъ-то само собою устроилось

такъ, что сельскіе колдуны портили народъ, а зарѣцкіе цѣлили.

На другой день послѣ вышеописаннаго событія былъ праздникъ. Послѣ обѣда крестьяне, отдохнувши, собрались среди села и размѣстились на пригоркѣ, гдѣ вообще происходили всѣ сельскія сборища. Разговоръ шелъ о томъ же пастухѣ.

— Молоко, братцы вы мои, у коровъ мошенникъ отнимаетъ. Баба моя жалуется, что совсѣмъ доиться корова перестала, заявлялъ одинъ изъ крестьянъ.

— Да и у всѣхъ должно быть тоже самое, не у тебя одного, у всѣхъ коровы доиться совсѣмъ почестъ что перестали, подтвердили другіе.

А можетъ статься и отъ того эго, что корма скоту мало, замѣтилъ кто-то. Да и какой тутъ кормъ, когда день деньской вертится скотина на одномъ мѣстѣ, съ чего ей сытой быть?

— Да, толкуй тутъ корму мало! опровергали его другіе. Вѣдь и въ прежніе года въ такое время все ужъ скотина паслась на этомъ мѣстѣ, другога пастбища не было вѣдь для нея, однако же молока коровы не теряли, отчего же нынѣшній-то годъ нѣтъ молока? Корма-то нынѣшній-то годъ, слава Богу, получше прошлыхъ! Нѣтъ, ты тутъ что ни толкуй, а дѣло это не отъ корма, молоко мошенникъ отнимаетъ!

— А вѣдь пожалуй что и правда, согласились нѣкоторые: у Ульянихи живетъ на фатерѣ, такъ добра отъ нихъ не жди, вмѣстѣ поди чай плутуютъ съ этой вѣдьмой.

— Бабы вотъ рассказываютъ, что часто видаютъ ее утромъ около стада, заявилъ одинъ крестьянинъ: ну чтобы ей вертѣться въ такую рань около стада, если бы не было тутъ какого воровства?

— То-то вотъ оно и дѣло-то, что часто она вертится не въ урочный часъ около стада! подтвердилъ другой крестьянинъ. Про эту Ульяниху давно извѣстно, что она умѣетъ раздѣлывать эти дѣла, чтобы молоко у коровъ снимать.

— Да вѣдь если бы и правда это самое, что снимаютъ они молоко у коровъ, замѣтилъ молодой парень, такъ не у всѣхъ же коровъ сразу они снимутъ его? Ну снимутъ

они у одной коровы, у другой, а у всѣхъ-то гдѣ же снять имъ сразу.

—Эхъ, братецъ, ты дѣла этого, видно, еще не знаешь! У тысячнаго табуна такіе люди снять могутъ, сразу всѣхъ коровъ обезмолочать, а не только что у такого стада, какъ наше!

—Какъ же это такъ?

—Ты думаешь, они доить что ли тебѣ станутъ каждую корову? Вовсе нѣтъ, словомъ колдовскимъ они это дѣло дѣлаютъ. Вотъ хоть бы про эту самую Ульяниху тетущка покойница рассказывала, продолжалъ тотъ же крестьянинъ, такъ сама она, говорить, все это видѣла и сама испытала. Шла она, покойница царство ей небесное, утромъ ранымъ рано въ поле, а роса была большая и туманъ стоялъ такой, что ничего не видать за нимъ. Идетъ она дорогой, а по сторонѣ лугомъ стадо гонится, только что еще спущено было со дворовъ. Только смотреть она и покажись ей, что впереди стада какъ будто-бы кто-то идетъ и машетъ по сторонамъ чѣмъ-то такимъ бѣлымъ. Подошла она поближе и стала присматриваться сквозь туманъ. Какъ разсмотрѣла она путемъ-то, и узнала эту самую Ульяниху: идетъ, говорить, она впереди стада да бѣлымъ платкомъ машетъ по росѣ, платокъ большой, говорить, у ней въ рукахъ. Тутъ тетущка-то и догадалась въ чемъ дѣло, потому что раньше ужъ слышана была объ этомъ: постой же, думаетъ, испробую я это средство и сама дознаюсь. Пропустила она стадо то вперёдъ, а сама пошла за нимъ. Смотритъ, а трава-то, гдѣ стадо прошло, сдѣлалась вся бѣлая, вся молокомъ словно бы покрылась. И случилась у ней въ эту пору бѣлая тряпка съ собой, вотъ взяла она эту тряпку въ руку да и давай махать ею по травѣ, машетъ да приговариваетъ: „что мой кумъ, то и мнѣ“, а Ульяниха-то, вишь, кума была ей. Помахала она этой тряпкой по травѣ, глядитъ, а тряпка-то у ней мокрая вся сдѣлалась, молокомъ словно пропиталась. Какъ пришла она потомъ домой, и развѣсила эту самую тряпку въ избѣ на грядкѣ, такъ что же бы вы думали? Какъ только развѣсила, такъ съ тряпки и потекло молоко, такъ вотъ, говорить, ручьями молоко и льетъ! Такъ вотъ видѣли они что дѣлаютъ, окаянныя! А ужъ разъ только они сдѣ-

лаютъ, отнимутъ молоко, такъ корова тебѣ больше не доильница, молоко у ней живо пропадетъ.

— Эдакъ-то словно бы ужъ больно просто, замѣтилъ тотъ же молодой парень, коли только итти да платкомъ бѣлымъ махать. Такъ-то и всякій сталъ бы снимать молоко!

— Да, ты думаешь только это одно? Вѣдь ужъ тетушка-то покойница шла за ней, за Ульянихой, когда та пустила у коровъ молоко, а Ульяниха-то, вишь, сначала-то шла впереди стада да платкомъ махала, слова стало быть какія нибудь говорила. на росу наговаривала, чтобы пустить молоко, слова-то вотъ эти колдовскія самое важное и есть. Ну а потомъ какъ пропустила бы она стадо-то по этому наговоренному мѣсту, вернулась назадъ, и собрала бы это самое молоко себѣ, если бы тетушка-то ей не помѣшала.

— Можетъ статься и теперь продѣлываетъ она съ пастухомъ тоже самое?

— А то какъ же! Знамо, не откуда вѣдь берется у ней молоко то... Одва коровенка всего на всего, а молока, бабы сказываютъ, пропасть, вѣкогда не переводится.

— Пастухъ-то, вишь, нынѣшній годъ мошенникъ какой навязался, что же, братцы, намъ теперь съ нимъ дѣлать?

— Да ничего ты съ нимъ не подѣлаешь, не тронь лучше его. Такого человѣка знамо лучше ужъ не трогать... а ладить нужно съ нимъ какъ нибудь да потрафлять ему, ну и ничего, и онъ тебя не тронетъ, какъ ты его не сердишь.

— Да, какъ же бы не такъ: ладь съ нимъ, такъ онъ тебя не тронетъ! возразилъ другой. Нѣтъ ужъ тутъ онъ по неволѣ сдѣлаетъ тебѣ зло-то, какъ черти-то почнутъ совать ему въ бока, имъ давай работы, во чтобы то ни стало находи, а то и самого замучать... Такъ тутъ ужъ онъ не разбираетъ, кто ему миль, кто не миль! А вотъ это такъ и я слыхалъ, что если кто въ гнѣвѣ, въ сердцахъ живетъ съ нимъ, такъ тому онъ подѣлать ничего не можетъ, никакая порча не пристанетъ отъ него.

— Стало быть ругаться нужно съ нимъ?

— Да, это правда, высказался третій, съ ними одно что нибудь нужно дѣлать: или ладь ты съ нимъ, потрафлай

ему во всемъ, не серди значить, его, или ужъ ругайся съ нимъ постоянно, перечь ему во всемъ, тогда онъ ничего подѣлать надъ тобой не можетъ. Съ этого времени крестьяне села Мокраго дѣйствительно раздѣлились въ своихъ отношеніяхъ къ пастуху на двѣ половины: одни стали угождать ему во всемъ и даже заискивать у него, другіе напротивъ стали къ нему во враждебныя отношенія, постоянно придирались и вызывали на брань и ссору, такъ что не проходило ни одного вечера, чтобы ктонибудь не поругался съ пастухомъ. Дѣло выходило почти всегда такъ, что начнетъ съ нимъ ссору одинъ, и къ нему тотчасъ же пристають всѣ другіе изъ партіи враждебныхъ, такъ что брань ежедневно выходила коллективною.

Не смотря однако же на эту послѣднюю, по видимому радикальную, мѣру предосторожности, принятую крестьянами села Мокраго въ ихъ отношеніяхъ къ пастуху, несчастные случаи со скотиною въ селѣ не прекращались. У Матвѣя баранъ выздоровѣлъ, потому что жена его ходила за рѣку къ зарѣцкимъ добрымъ геніямъ, откуда и принесла водицы отъ одной старушки, которая скатила ей эту воду съ своихъ крестовъ, „вычитавъ надъ нею всѣхъ восемьдесятъ Богородицъ“, но за то чрезъ нѣсколько времени заболѣла у него корова; такія же несчастія начали появляться и у другихъ: у одного заболѣть теленокъ, у другаго вдругъ лошадь затомить, черезъ силу ноги двигается; бабы не переставали жаловаться на уменьшеніе молока у коровъ. Всѣ эти случаи заставляли домохозяевъ отправляться за рѣку къ тамошнимъ добрымъ геніямъ, и геніи эти не переставали твердить, что все это дѣлаетъ у нихъ свой человѣкъ изъ „пришлыхъ“, а потому и подозрѣнія во всемъ этомъ падали на пастуха. Вскорѣ по разнымъ вѣрнымъ примѣтамъ убѣдились, что пастухъ дѣйствительно колдунъ. Одна женщина утверждала, что когда она всмотрѣлась ему въ глаза, то замѣтила, что у него „мальчики“ въ глазахъ сидятъ вверхъ ногами, а это вѣрная примѣта колдуна. Другая женщина дозналась объ этомъ другимъ способомъ. Когда пастухъ пришелъ къ ней „на чередъ“ обѣдать(*), то она воткнула хлѣбный ножъ

(*) Въ деревняхъ и селахъ пастухи кормятся по очереди всѣмъ селеніемъ.

въ верхній косякъ двери и прочитала надъ нимъ молитву „отче нашъ“ три раза. Она знала, что если сдѣлать это, то колдунъ изъ избы не выйдетъ. И дѣйствительно, отобѣдалъ пастухъ, а изъ избы не идетъ; сидитъ да разговариваетъ съ нею, и самъ нѣсколько разъ упомянулъ, что ему уже пора итти, и однако же не идетъ и не ушелъ до тѣхъ поръ, пока она не вынула ножъ изъ косяка. Третья потребовала отъ него въ разговорѣ, чтобы онъ „побожился чертомъ“, пастухъ не сталъ божиться чертомъ, и это также вѣрная примѣта колдуна. Наконецъ одинъ случай окончательно подалъ поводъ убѣдиться въ этомъ. У крестьянина Андрея вдругъ стала заваливаться по ночамъ лошадь на дворъ. „Лошадь все была исправная, какъ слѣдуетъ, говорилъ онъ своимъ сосѣдямъ, а вечеръ ночью выхожу на дворъ, а нѣ лошадь завалилась у яслей и лежитъ вверхъ ногами, на силу подняли мы ее, чуть было не околѣла; нонѣшнею ночью опять таже самая исторія, опять лошадь завалилась вверхъ ногами у забора“.

— Это, братъ Андрей, смотри ты, дѣло-то плохо, такъ или сякъ а конь-то изведется, ты не увидаешь, говорили сосѣди.

— И съ чего же, братцы вы мои, дѣло-то пошло, продолжалъ Андрей: на чередѣ онъ у меня въ тѣ поры стоялъ, и чѣмъ бы я ни кормилъ, все онъ не сытъ... ужъ кажись самъ чего не съѣшь, а его накормишь, а онъ все ругается, что его плохо кормятъ. Пришелъ онъ обѣдать, а я на это время случился дома; подаетъ ему стряпуха того-сего, все ему не хорошо. Не вытерпѣлъ я, взялъ тутъ со стола краюху хлѣба да и сунулъ ему въ кадыкъ-то: „на, молъ, жри, коли не сытъ!“ Онъ схватилъ было ножъ да на меня съ ножомъ. Выхватилъ я у него ножъ-то, да и далъ ему по затылку—штуки двѣ-три, грѣха этого нечего таить, штуки двѣ выпалъ. Выбѣжалъ онъ изъ избы да и кричитъ: „такъ ладно же, будешь меня помнить!“ Я вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ посмотреть, куда онъ поидетъ, а онъ пошелъ прямо къ воротамъ. Какъ подошелъ это онъ къ воротамъ вдругъ, откуда нивозьмись, словно изъ подъ него выскочила черная кошка, выскочила да прямо ко мнѣ на дворъ.

— Ну ужъ коли кошка, такъ это знай, кто она такая, перебилъ его сосѣдъ.

— Кто ее знаетъ, продолжалъ Андрей. И сейчасъ тутъ же вслѣдъ за ней на дворъ. Весь дворъ обшарилъ, никакой кошки не нашелъ, вотъ чудо-то! А вѣдь тутъ же вотъ своими глазами видѣлъ...

— Чудакъ! Да развѣ ты ее увидишь на дворѣ? Вѣдь это она только показалась тебѣ кошкой-то, а какая она кошка!

— И что же, братцы, вотъ всѣ эти дни спокою нѣтъ отъ двора. Какъ сейчасъ ночь, такъ и пойдетъ тамъ стукотня да трескъ, и все-то тебѣ чудится, что кошки словно дерутся на дворѣ; крикъ, мяуканье подымутъ такое, что словно бы десятки ихъ тутъ дерутся, а выйдешь на дворъ ничего—тихо. Какъ сейчасъ въ избу, такъ опять войну подымутъ кошки на дворѣ.

— Ну такъ оно и есть, разъяснилъ сосѣдъ, вотъ она черная-то кошка тутъ и сказала. Это онъ другаго хозяина(*) посадилъ тебѣ на дворъ, вотъ они теперь и воюютъ на дворѣ. Ужъ гдѣ сойдутся два хозяина на дворѣ, непременно войну они подымутъ межъ собой, такъ, говорятъ, бьются, что только шерсть клочьями у нихъ летитъ, а кричатъ въ это время они, вишь, по кошачьи, вотъ тебѣ и кажется, что кошки словно дерутся. Смотри, братъ, берегись, они двое-то весь скотъ у тебя переведутъ, потому оба будутъ гнѣваться на тебя. Вотъ они теперь бьются межъ собой, лошадь-то въ своей свалкѣ и повалятъ какъ нибудь, а тамъ, глядишь, и совсѣмъ ее задавятъ... оборони Богъ!

— Такъ что же мнѣ теперь, братцы, дѣлать-то? въ недоумѣніи спрашивалъ Андрей.

— Къ Микефору зарѣцкому надо сходить, посовѣтывалъ ему сосѣдъ: приведешь его сюда, онъ тебѣ и выведетъ этого пришлаго со двора, а стараго оставитъ, ну и вѣчего, пойдетъ по старому. Такъ на томъ и порѣшили, чтобы призвать зарѣцкаго Микефора.

(*) Хозяиномъ крестьяне называютъ домового.

Былъ въ зарѣцкой сторонѣ села знаменитый колдунъ по имени Никифоръ. Деревенская молва окружила его имя ореоломъ величайшей славы въ этомъ своего рода искусствѣ. Говорили, что ужъ супротивъ Микифора ни одинъ изъ мѣстныхъ колдуновъ не можетъ итти наперекоръ, онъ всѣмъ колдунамъ колдунъ. А получилъ онъ это первенство въ полунощномъ бою колдуновъ между собою на „спорной межѣ“. Крестьяне твердо вѣрили ходившей въ народѣ молвѣ, что всѣ ихъ колдуны каждый годъ собираются ночью подъ извѣстный день (который назначаютъ на разныя числа, преимущественно около Троицы) въ чистомъ полѣ на такъ называемой спорной межѣ и ведутъ между собою отчаянный бой изъ за первенства. Вступаютъ въ бой только равные съ равными, т. е. такіе, у которыхъ находится въ распоряженіи одинаковое число полученныхъ ими злыхъ силъ. Борьба идетъ въ самую полночь, и на это время у колдуновъ вдругъ отрастаютъ страшные когти медвѣдя и острые зубы сѣраго волка, сами они превращаются въ разнаго рода хищныхъ звѣрей. Дикій, неистовый звѣриный крикъ оглашаетъ всю окрестность, земля стономъ стонетъ подъ ихъ разъяренными ударами, клочья шерсти изъ ихъ звѣриныхъ шкуръ летятъ во всѣ стороны, кровь течетъ ручьями и жалобные стоны и дикіе вопли страшнымъ эхомъ отдаются въ лѣсахъ. Бѣда, если на это побоище нечаянно найдетъ посторонній человѣкъ, его тотчасъ же растерзаютъ, такъ что не останется отъ него и слѣда. Бьются они, рвутъ и терзаютъ другъ друга до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не сдѣлается побѣдителемъ, и тогда всѣ прочіе признаютъ его уже самымъ главнымъ въ ихъ средѣ и ни въ чемъ ему перечить не могутъ. Такъ вотъ этотъ-то Никифоръ, какъ гласила народная молва, всегда оставался побѣдителемъ въ такомъ бою, и потому никто изъ мѣстныхъ колдуновъ испытавшихъ въ бою съ нимъ свои силы, не могъ итти противъ него. Говорили, что онъ располагаетъ сорока подвластными ему силами, и что такое обиліе силъ нерѣдко и ему самому становилось не подъ силу, потому что силы эти требовали себѣ работы. Тогда Никифоръ, чтобы занять ихъ чѣмъ нибудь, высыпалъ въ своей одинокой хижинѣ на

будетъ впереди... Вишь вѣдь онъ какой мошенникъ, пастухъ-то нашъ!

—Что говорить, подтвердилъ сосѣдъ, такой мошенникъ навязался, что и дѣлать-то съ нимъ не знаемъ что.

—А я вотъ что думаю: на сходъ бы его вывести да постращать бы хорошенько всѣмъ селеніемъ, такъ все таки онъ опаску сталъ бы имѣть! предложилъ свой проектъ Андрей.

—Знамо надо бы, да вѣдь кто его вызоветъ теперь, когда всѣ боятся? Всякай за себя вѣдь тоже опасается, вотъ что!

Не смотря однако же на всеобщія опасенія, судъ надъ пастухомъ на мірскомъ сходѣ не замедлилъ совершиться, и совершился-то онъ какъ-то самъ собою безъ всякихъ вызововъ и приготовленій.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней передъ вечеромъ крестьяне села распивали мірское вино. Пастухъ Трофимъ, какъ человѣкъ мірской, хотя не принадлежащій къ здѣшнему міру, всегда являлся на эти мірскія попойки въ качествѣ любителя выпить, явился онъ и теперь, когда пригналъ скотину въ село на ночлегъ. Крестьяне, всегда въ этихъ случаяхъ снисходительные къ чужестранцамъ, теперь не дружелюбно посмотрѣли на его появленіе, боялись, чтобы кого нибудь не испортилъ, потому что на винѣ испортить всего легче колдуну, а нѣкоторые изъ нихъ начали надъ нимъ подтрунивать.

—Что взялъ, Трофимъ, съ Андрея-то? Шишь онъ тебѣ показалъ! обратился къ нему одинъ молодой парень.

—Нѣтъ, видно Микифоръ-то не свой братъ! подхватилъ другой. Вишь онъ какъ чертенокъ-то твоего скорючилъ, подхватилъ его за хвостъ да прямо за пазуху.

—Куда ему противъ Микифора, силой не дошелъ, продолжилъ третій. Вѣдь вотъ у него рыло-то на сторону отвело, вы думаете, кто ему на сторону-то его повернулъ? Да Микифоръ же и повернулъ ему его, какъ дрались они ночью на спорной межѣ. Такъ гдѣ же ему супротивъ Микифора итти!

Трофимъ на всѣ эти задиранія сначала молчалъ, принявши небрежную самоувѣренную позу. Вообще онъ нисколько не пытался разубѣдить крестьянъ въ своихъ колдовскихъ способностяхъ, а напротивъ старался поддер-

жать и усилить такое о себѣ мнѣніе. Оно видимо удовлетворяло его самолюбію и льстило его эгоистическимъ склонностямъ властвовать надъ толпою. Чѣмъ болѣе распространялось и вѣрѣло убѣжденіе въ народѣ, что онъ колдунъ, тѣмъ болѣе и самъ онъ росъ въ своемъ мнѣніи, и не безъ основанія можно предположить, что въ настоящее время и самъ онъ былъ дѣйствительно убѣжденъ, что онъ колдунъ. Это онъ выражалъ своею властною самоуверенною позою, своимъ горделивымъ молчаніемъ и своими таинственными намеками.

—Ты вотъ послушай, диво-то какое я тебѣ скажу, вдругъ заговорилъ онъ, отвѣчая на слова послѣдняго: посмѣялся разъ вотъ такой же парень молодой, какъ и ты, надъ энтимъ кривымъ рыломъ, такъ глядитъ на другой день, а у него свое-то рыло ужъ совсѣмъ назадъ перевернуло, такъ къ задѣ и приросло. Вотъ это дѣло такъ ужъ подлинно, что диво!

—Полно-се? Кто же это, ты что ли ему перевернулъ? Мозгля! отвѣчалъ парень.

—То-то вотъ и есть! Вотъ ты и узнай, кто ему перевернулъ!

—А Микифоръ-то на что! Небойсь, вонъ онъ какъ твоего-то чертенка скрючилъ! Привеземъ его сюда, такъ ужъ онъ тебѣ не только на бокъ, а къ пяткамъ рыло-то придѣлаетъ.

—Что Микифоръ! Тутъ и Микифоръ твой не поможетъ, гдѣ ему со мной!...

—А вотъ скрючилъ же твоего чертенка, очистилъ дворъ у Андрея.

—Толкуй тутъ—очистилъ! Нѣтъ какъ захочу, такъ ни съ чѣмъ ужъ ты не выведешь... шерстки на дворѣ не останется!...

—А ты, братъ, вотъ что: ты передъ міромъ-то хвались потише, міръ-то вѣдь тебѣ не свой братъ! раздались голоса изъ толпы.

—Что мнѣ хвалиться-то! Нѣшто я хвалюсь что ли? по прежнему самоуверенно отвѣчалъ Трофимъ.

Къ становому его, мошенника, отправить! заговорили нѣкоторые. Скрутить вотъ сейчасъ да къ становому!

—Что къ становому, возражали другіе: нѣшто становой

— Кого причастить? —

— Да Павла, батюшка, Пашку стало быть Костина.

— Что же съ нимъ такое случилось вдругъ? И сегодня только что видѣлъ его, съ поля шелъ.

— Шелъ, это точно, а теперь вдругъ захворалъ, — къ сердцу больно привалило, умираю, говорить.

— Да отчего же это вдругъ-то?

— Стало быть отъ того, что мужики его больно прибили.

— Прибили? За что же?

— Да опять за эту самую Марью, что послѣ Крюкова-то осталась...

Что за чудеса! проговорилъ про себя о. Родіонъ, собрался и пошелъ.

При другомъ противоположномъ церкви и домамъ при-
чта концѣ села, на самомъ краю, стоялъ небольшой но-
венькій, крытый тесомъ домикъ, повидимому построенный
уже позже всѣхъ другихъ домовъ села. Домикъ этотъ от-
личался отъ другихъ простыхъ крестьянскихъ избъ нѣ-
которою изящностію и уютностію, по крайней мѣрѣ по
своему наружному виду. Видно было, что его строила не
совсѣмъ крестьянская рука. Дѣйствительно, домъ этотъ
принадлежалъ недавно приписавшемуся къ здѣшнему сель-
скому обществу крестьянину Павлу Костину. Павелъ Ко-
стинъ былъ изъ дворовыхъ людей одного изъ сосѣднихъ
помѣщиковъ и служилъ у него первоначально въ каче-
ствѣ лакея, а потомъ чѣмъ-то вродѣ довѣреннаго. Послѣ
освобожденія крестьянъ, когда дворовымъ людямъ предо-
ставлено было право приписываться къ какому угодно
обществу съ согласія лишь этого общества, Костинъ при-
писался къ обществу села Мокраго и сдѣлался его кре-
стьяниномъ. У него оказались хотя и не большія деньги,
но все-таки достаточныя для того, чтобы обзавестись на
первый разъ, и обзавестись прилично. Говорили, что день-
ги эти собственно пріобрѣтены его женою отъ прежняго
барина по силѣ нѣкоторой связи съ нимъ, о чемъ ходили
различные толки въ народѣ. Какъ бы-то ни было, но Па-
велъ все-таки обстроился и обзавелся, началъ хозяйничать
и повелъ жизнь на первый разъ на болѣе приличную ногу,
нежели какую вели всѣ другіе мѣстные крестьяне. Той
сѣрости, деревенской простоты и безыскусственности до-

машней жизни и домашняго обихода у Павла не было и слѣда, напротивъ здѣсь вездѣ сказывалось вліяніе замашекъ и привычекъ барства, хотя и въ извращенномъ видѣ. А потому Павелъ хотя и сдѣлался членомъ здѣшняго общества формально, но мало принадлежалъ къ нему по строю и складу своей жизни. Еще болѣе обнаруживалась и высказывалась эта рознь въ отношеніи моральномъ. Той первобытной чистоты и патриархальной простоты нравовъ, которую издревле хранили здѣшніе обитатели, у Павла не осталось и обломковъ. Онъ былъ человѣкъ отъ природы добрый и простосердечный, но лакейская жизнь извратила въ немъ многія врожденныя ему прекрасныя чисто русскія качества души, хотя и не могла изгладить ихъ вполне, такъ что теперь въ немъ удивительнымъ образомъ сочетались и уживались два совершенно противоположныхъ человѣка: иногда онъ добръ и щедръ, готовъ бываетъ отдать послѣднюю рубашку, а иногда напротивъ самъ готовъ бываетъ отнять у нищаго послѣднюю суму; иногда онъ проявляетъ высокіе порывы религіозности и благочестія, но въ тоже время выдаетъ въ поступки, обличающіе по видимому полное отсутствіе этихъ высокихъ чувствъ. Однимъ словомъ въ немъ ни для добра, ни для зла не было никакого твердаго корня. Это всего нагляднѣе можно наблюдать въ его отношеніяхъ къ женѣ. Все живетъ онъ съ нею мирно, ладно, и по видимому даже любитъ ее. Вдругъ найдетъ на него блажь, изобьетъ ее, елико возможно, прогонитъ отъ себя, найдетъ себѣ другую какуюнибудь сожительницу и живетъ съ нею открыто безъ всякаго стѣсненія. Пройдетъ нѣсколько времени, изобьетъ и эту пришлую сожительницу и опять начинаетъ мирно жить съ женою. Поэтому поводу всѣ утверждали, что тутъ чтонибудь не такъ, что надъ ними чтонибудь подѣлано. Вотъ къ этому то Павлу и явился въ полночь о. Родіонъ. Въ домѣ онъ нашелъ полный безпорядокъ, нѣкоторыя стекла въ оконныхъ рамахъ были выбиты, на полу валялась переломанная и перебитая посуда. Самъ Павелъ лежалъ въ постелѣ и дѣйствительно оказался весь избитымъ: надъ глазами синяки и подъ глазами синяки, самъ весь носивѣлъ.

— Что ты, братецъ? что съ тобой подѣлалось? спросилъ его о. Родіонъ.

— Да вотъ, батюшка, причасти, мочи нѣтъ... да къ стати и засвидѣтельствуй, какъ меня избили.

— Кто же тебя избилъ?

— Мужики здѣшніе избили.

— За что же?

— А кто ихъ знаетъ за что, ничего худаго я имъ не сдѣлалъ! Ограбить стало быть меня хотѣли... Ты видишь, какъ все избито да изламано? Это они все перебили, да денегъ еще сто рублей у меня украли... Ты это, батюшка, засвидѣтельствуй, я буду жаловаться мировому, такъ тебѣ вотъ заявляю.

— Такъ ужъ не доброли теперь пріобщаться-то? Къ чему тутъ пріобщаться, когда къ мировому еще хочешь итти жаловаться?

— Какъ же, батюшка, не причаститься! Вѣдь они меня чуть до смерти не убили, а ну какъ я умру?

— Вотъ стало-быть не думаешь еще умирать-то, когда хочешь итти къ мировому!

— Да вѣдь не ровень часъ, мало ли что можетъ случиться...

Зналъ о. Родіонъ по многократнымъ опытамъ, что въ средѣ крестьянъ часто прибѣгаютъ къ послѣднему напутствію безъ особенной нужды, а просто только для того, чтобы доказать силу и важность понесенныхъ побоевъ и засвидѣтельствовать, что побои эти были дѣйствительно тяжки. Побьетъ, напримѣръ, жестоко мужъ жену, и она тотчасъ же выдаетъ себя умирающею и шлетъ за попомъ, чтобы причаститься, дѣлая это какъ бы въ укоръ мужу и для вразумленія его; на другой день, глядишь, она уже отправляется на работу. Къ этому же средству прибѣгаютъ иногда и побитые въ дракахъ мужики. А потому опытъ научилъ о. Родіона относиться къ такимъ случаямъ осторожно.

— Такъ вотъ что, братецъ, погоди ужъ лучше до утра, ты теперь въ гнѣвѣ находишься, какая же тутъ исповѣдь!

— А ну да какъ умру? повторилъ Павелъ.

— Ничего, здѣсь вѣдь не далеко, хуже будетъ, я опять приду.

— Ну какъ хощь, батюшка, а все таки это засвидѣтельствуй: сто рублей у меня мужики украли, разбоемъ от-

няли. Такъ на томъ и порѣшили, и о. Родіонъ отправился домой.

На другой день рано утромъ собрались крестьяне; всѣ они замѣтно находились въ тревожномъ состояніи.

— И съ чего это баталія-то у насъ такая вышла? Вотъ этаго такъ никакъ ужъ не поймешь! Диво, право диво! повторяли другъ за другомъ въ недоумѣніи крестьяне, обсуждая свой вчерашній поступокъ.

— Чего же тутъ дивиться-то? Знамо побоище такое вышло ужъ не спроста, этотъ самый колдунъ все это и подѣлалъ: слово молвилъ колдовское, али другое что подпустилъ навороженное... корень, али траву какую кинулъ въ толпу, ну всѣ и передрались.

— И то пожалуй правда, соглашались другіе, а то съ чего же бы быть побоищу такому!

— Непремѣнно это онъ подѣлалъ, вторили имъ третьи: онъ вотъ напустилъ на насъ эту драку—побоище, а самъ-то вдругъ и исчезъ. А не будь этой драки, такъ нѣшто онъ ушелъ бы отъ нашихъ рукъ!

— И диво только, братцы вы мои, куда это онъ вдругъ прональ! Вѣдь вотъ самъ же я своими руками держалъ его все за руки; а тутъ вдругъ, какъ только началась эта драка, онъ словно сквозь землю провалился, заявлялъ одинъ изъ толпы.

— Знамо колдовствомъ своимъ исчезъ, вдругъ невидимъ сдѣлался, ну по воздуху и улетѣлъ... Нѣшто колдуна ты когда удержишь? Изъ тюрьмы они улетають, не токма что изъ твоихъ рукъ! Возметъ, говорятъ, въ тюрьмѣ-то лодку напишетъ мѣломъ на стѣнѣ да въ ней и уплыветъ по воздуху.

— А вѣдь Павелъ-то, братцы, попа къ себѣ вечеръ призывалъ, причастья требовалъ, замѣтилъ одинъ крестьянинъ.

— Что ужъ его неужто взаправду больно скорезило?

— Жаловаться, вишь, на насъ хочетъ, къ мировому подавать.

— Къ мировому? Что же онъ къ мировому-то на насъ подастъ?

— Штрафъ хочетъ съ насъ искать за побои да битье посуды.

— Какой ему штрафъ за побои! Били мы его за дѣло,

а что посуду поломали, такъ это точно что не слѣдовало бы.

— Ну чтожъ? За поломку и заплатимъ, для всѣхъ это дѣло не велико.

Денегъ, вишь, говорилъ попу-то, сто рублей. Мы у него украли, вотъ какой мошенникъ-то! продолжалъ сообщать тотъ же крестьянинъ.

— Полно? Ужели правда?

— Правда, говорятъ, ей Богу.

— Если такъ-то, такъ онъ, братцы, насъ подъ уголовщину вѣдь подведетъ.

— Да правда ли это еще? Надо сходить спросить пона, посовѣтывали нѣкоторые.

Крестьяне всей гурьбой отправились къ дому о. Родіона. О. Родіонъ уже давно всталъ и повидимому поджидалъ этого визита, чтобы разъяснить дѣло.

— Что вы такое вчера надѣлали, ребята? За что вы Павла-то избили?

Да такъ, батюшка, не его хотѣли бить-то, а онъ такъ ужъ... не значай словно бы тутъ подвернулся...

— Какъ такъ—невзначай?

— Да такъ, колдуна мы хотѣли бить, а онъ вонъ надѣлалъ что: самъ то исчезъ, а на насъ драку напустилъ, ну и побили... такъ, невзначай...

— Ну какое невзначай, замѣтилъ противъ этого другой крестьянинъ: оно стоило и его проучить-то за такія его дѣла. Изъ-за него вѣдь вся канитель-то эта вышла.

— Да какъ однако же? Вы расскажите.

— Да вотъ видишь ли, батюшка, и тебѣ, я думаю, это извѣстно, началъ одинъ крестьянинъ: недѣли двѣ тому назадъ этотъ самый Павелъ опять прогналъ свою жену и связался съ этой самой Марьей, что послѣ Крюкова покойника вдовой осталась. Оно и прежде это за нимъ было, ужъ ни въ первый разъ, только теперь у нихъ пошло все это дѣло на чистую, безъ всякаго стыда... И жить-то эта самая Марья совсѣмъ къ нему переселилась..

— Зазоръ, кормилецъ, всему селенію зазоръ, вставилъ свое слово одинъ старикъ: на-ко-се содомъ какой они тутъ учинили! Да у насъ до него отродясь никогда не видаво, чтобы такой содомскій грѣхъ творился.

—Ну хорошо, продолжалъ первый: живутъ они тамъ вдвоемъ-то, и Ульяниха тутъ же все около нихъ вертится, и день и ночь все у нихъ живетъ, словно гостьею почетною стала... Ну всѣ и стали говорить, что она это подѣлала надъ ними, она другъ къ другу ихъ приворожила... А тутъ жена по дворамъ ходитъ, гдѣ день, гдѣ ночь коротаетъ, чай и тебѣ, батюшка, это дѣло вѣдь извѣстно?

—Знаю я, слышалъ: приходила ко мнѣ Вѣра-то, жена Павла, просила, чтобы я посовѣстилъ его, да гдѣ же, словомъ его развѣ проймешь! Меня же обругалъ, озорникъ!

—Ну вотъ видишь ли, ужъ на что тебя—и то обругалъ! Только такъ тебѣ сказать, съ недѣлю вотъ ужъ тому назадъ и отыскала эта Вѣра колдуна какого-то, Богъ его знаетъ, чей онъ такой, никто не знаетъ откуда онъ.

—Бѣглый, говорятъ, какой-то, бѣжалъ откуда-то, общилъ другой крестьянинъ.

—Тамъ кто его знаетъ, кто онъ такой! Только отыскала она его и привела въ село...

—Зачѣмъ же привела-то?

—Ворожиться, вишь, надумала, потому какъ всѣ стали говорить, что это съ ней подѣлано... Ульяниха подѣлала, что мужъ ее не любить и гонить прочь, такъ она и вздумала опять его къ себѣ приворожить. Свой-то колдунъ не помогаютъ такъ чужова привела. Статный такой молодой парнино!.. Я самъ его видѣлъ, у дяди Василья онъ въ избѣ какъ-то разъ сидѣлъ. Какъ поразсказалъ тогда онъ намъ про свои-то похождения, такъ чудеса да и только! Я, говорить, одну такую-то колдунью, какъ ваша Ульяниха, такъ подвелъ, что она у меня кровью упилась...

—И, страсти какія! Какъ же такъ кровью?

—Да такъ! Прихожу, говорить, вотъ также въ одно селеніе, а тамъ свадьба. И была въ этомъ селеніи колдунья такая, что ни одной свадьбы безъ нея не обходилось, вездѣ она первою являлась. Хорошо. Только старикамъ-то этимъ, гдѣ была свадьба-то, не хотѣлось брать ее къ себѣ, потому больно ужъ она всѣмъ надоѣла. Вотъ онъ какъ узналъ про все это, пришелъ да и говорить имъ: если не хотите брать эту старуху такъ не берите, я мо-

гу-де отъучить ее отъ этихъ свадебъ, сдѣлаю такъ, что въ другой разъ ни на какую свадьбу итти сама не захочетъ. Тутъ и стали его просить всѣ, сдѣлай милость, не оставь. Ладно, говоритъ онъ хозяину, только ты вотъ что сдѣлай: достань мнѣ какуюнибудь плохонькую лошадедку, такъ клячу какуюнибудь ужъ никуда не годную. Досталь ему хозяинъ такую лошадь. Собрались ѣхать подъ вѣнецъ. Онъ, этотъ самый колдунъ-то, сѣлъ на эту лошадь верхомъ и поѣхалъ впереди. Только, говоритъ, выѣхали изъ деревни-то, вдругъ, откуда ни возмись, и бѣжитъ эта самая колдунья, растрепанная, говоритъ, разтерзанная такая, бѣжитъ—и прямо на него. Онъ сейчасъ слѣзъ съ своей лошади, она и бросилась на эту лошадь, повалила, говоритъ, ее, вцѣпилась зубами ей въ шею и давай изъ нея кровь пить. Такъ ужъ сынъ ея—этой колдуньи опослѣ приходилъ да въ ноги ему кланялся, ну онъ и помиловалъ ее... опять раздѣлалъ... А то вцѣпилась, говоритъ, въ коня зубами да кровь сосетъ, и никакъ не смогли оттащить ее отъ этаго коня. Вотъ какое дѣло-то! Такъ послѣ этого, говоритъ, эта самая колдунья ужъ полно больше ходить по свадьбамъ, совсѣмъ перестала. Да и чего-чего онъ тутъ тогда ни поразсказалъ. Я все, говоритъ, могу сдѣлать! Ужъ стыдно мнѣ и сказать слово-то, какое онъ тогда молвилъ...—нерѣшительно вдругъ остановился крестьянинъ.

—Ну что стыдно-то! Ничего говори, ободряли его другіе, —Право не годится, слово-то словно бы оно не хорошее... И, говоритъ, вотъ что могу подѣлать: потайную природу могу всѣмъ показать!

—Такъ, такъ! Это именно и я слышалъ, подтвердилъ другой крестьянинъ.

—Ну вотъ видишь ли? Правду вѣдь я говорю, продолжалъ первый крестьянинъ. Только какъ провѣдали про это бабы, что онъ силу такую великую имѣетъ и потайную природу хочетъ показать, такъ словно подѣлалось что съ ними, отъ рукъ совсѣмъ отбились.

—Что же онъ—бабы-то? спросилъ о. Родіонъ.

—Да ворожиться стало быть надумали, больно захотѣлось всѣмъ эту самую... потайную-то природу у него поглядѣть...

— Что же это такое за потайная природа?

— А кто ее знаетъ, что она такое! Только вещь, видно, диковинная, колдовствомъ, вишь, онъ ее показываетъ, стало быть ворожба какая нибудь тутъ... Какъ кто увидитъ, говоритъ, эту самую потайную природу, тотъ человекъ совсѣмъ перемѣнится, и будетъ любить его всякъ, кого только самъ онъ захочетъ. Ну и лѣстно это всѣмъ бабамъ показалось, и побѣжали всѣ за нимъ.

— Куда же онѣ побѣжали?

— Въ лѣсъ, батюшка, въ лѣсу вишь онъ тамъ что-то дѣлалъ съ ними по ночамъ. Бабъ ихъ съ семь или восемь всего-то набралось, и все бабенки молодыя... Вотъ Вѣра-то, Павлова жена, потомъ у Миколая жена, у Игната... да и много ихъ всѣхъ-то! Какъ только сумерки наступаютъ, такъ онѣ сейчасъ въ лѣсъ бѣгутъ къ этому самому вожаку, и бродятъ онѣ по лѣсамъ всю ночь на пролетъ. Зелемъ какимъ-то онъ ихъ тамъ поилъ, такъ онѣ отъ этого зелья словно бѣшенныя какія дѣлались, говорятъ... Да и Богъ ихъ знаетъ, что онѣ тамъ дѣлали по ночамъ... Хотѣли было подсмотрѣть, да говорятъ нельзя..

— Отчего же нельзя?

— Бѣда, говорятъ, попасть въ это время на ихъ слѣдъ. Оборотнями, вишь, онъ дѣлалъ ихъ по ночамъ, такъ попадешь на нихъ, онѣ тебя растерзаютъ, въ клочья изорвутъ. Воткнетъ, сказываютъ, въ землю двѣнадцать ножей, и велитъ онъ имъ чрезъ эти ножи кувиркаться. Какъ сейчасъ онѣ перевыкуркнутся, такъ всѣ въ волковъ и превратятся, оборотнями сдѣлаются. Такъ попадешь на нихъ въ такое время, когда онѣ оборотнями бываютъ, отъ нихъ ужъ не уйдешь..

— Ну полно, ври больше, замѣтилъ раскащику о. Родионъ.

— Ей Богу правда! Вѣдь вотъ онъ — Миколай-то, самъ рассказывалъ, что у жены своей хвостъ волчій разъ видѣлъ: „прихожу, говоритъ, я разъ на полюсу, гдѣ она жала, а она спитъ на полюсѣ. Я, говоритъ, поглядѣлъ, а у ней сзади-то хвостъ волчій высунулся изъ подъ сарафана“. Наклонился онъ, чтобы схватить ее за хвостъ-то, а она тотчасъ же проснулась да подобрала его, а опосля-то ужъ и невидать стало...

—Можетъ статья и оборотнями сначала-то, вставилъ свое слово другой крестьянинъ, а я вотъ слышалъ, такъ другое говорятъ: до полуночи-то онѣ, вишь, рыскаютъ все съ нимъ по лѣсу, травъ, кореньевъ отыскиваютъ какихъ-то. Какъ наберутъ онѣ этихъ травъ кореньевъ, онѣ и варить имъ изъ нихъ зелье на кострѣ, а потомъ въ самую полночь въ рѣкѣ купаются, и колдунъ тутъ вмѣстѣ съ ними. Какъ выкупаются онѣ въ рѣкѣ въ полночь, онѣ и поить ихъ этимъ зельемъ изъ травъ и кореньевъ, тутъ тотчасъ же онѣ въ вѣдѣмъ всѣ превращаются, и начинается у нихъ страшная пляска вокругъ костра, тутъ-то, говорятъ, вотъ имъ и видятся всякіе виды въ лѣсу: слышать онѣ, какъ разговоръ идетъ между травкой и твѣточками, деревья для нихъ пріятныя пѣсни поютъ, лѣса на музыкѣ играютъ; всякія птицы и звѣри разговоръ съ ними ведутъ, и говорятъ они всѣ человѣчьимъ голосомъ; изъ пней и кореньевъ свѣтъ дивный возсіяваетъ, облака, какъ зеркало, всю подвселенную въ себѣ отражаютъ, и ясно имъ въ этихъ облакахъ бываетъ все, какъ на ладони... тутъ каждая и судьбу свою можетъ узнать. Такъ пляшутъ онѣ до зари. А какъ только первая заря, такъ онѣ всѣ на лугу собираются, свѣжей росой умываются да на первомъ восходѣ солнышка очищаются. И дѣлаются онѣ тутъ красавицами такими, что нигдѣ такихъ сыскать нельзя. А какъ только взойдетъ солнышко, такъ онѣ опять дѣлаются по старому. Вотъ что я слышалъ! Сама, вишь, которая-то изъ нихъ рассказывала бабамъ.

—А вѣдь это и правда, подтвердилъ его слова другой крестьянинъ, я самъ своими глазами видѣлъ это разъ по утру. На прошлой недѣлѣ нужно было мнѣ сходить въ одну тутъ деревушку, и пошелъ я утромъ ранымъ рано. Только что вышелъ я на опушку лѣса, а ужъ заря стала заниматься, гляжу, а на опушкѣ-то тутъ на лужайкѣ и стоятъ онѣ всѣ семь бабъ, всѣ выстроены подрядъ... да срамно, батюшка, ужъ и сказать-то, всѣ какъ есть нагія... и смотрятъ всѣ онѣ на то самое мѣсто на небѣ, откуда солнышко должно взойти... А онѣ—этотъ самый колдунъ тоже стоитъ съ ними тутъ напротивъ, да, покажись мнѣ, словно бы что-то начитываетъ надъ ними. Я-то испугался, ноги подкосились, мочи моей вѣтъ итти да-

лѣе, да и онѣ-то видно тоже: какъ завидѣли меня, такъ сейчасъ опять въ лѣсъ все и убѣжали.

—Такъ вотъ, кормилецъ, какую онѣ, этотъ колдунъ, смуту произвелъ, всѣхъ бабъ отбилъ отъ дѣла, продолжалъ разсказъ первый крестьянинъ. Прокалалъ бродить онѣ съ нимъ вотъ такимъ манеромъ ночь-то, а днемъ ужъ эта баба тебѣ не работница. Да и гдѣ же ей работать? Придетъ она утромъ домой словно шальная, сама себя не чуетъ, уйдетъ на полюсу-то будто бы жать, а сама завалится тамъ да и спитъ... А пора-то вѣдь теперь рабочая, работа-то не ждетъ! Да и изъ дому тоже таскать стали всякой всячиной, даромъ-то тоже онѣ ихъ не жалуетъ...

—Такъ не пускали бы ихъ мужья-то, чего же они смотрятъ? замѣтилъ о. Родіонъ.

—Да, поди-ко устереги ихъ, не пусти! Ужъ и били ихъ и все, ничѣмъ ихъ не возмешь. Бьешь ее, такъ она терпитъ, ничего: пускай, думаетъ себѣ, теперь потѣшится, побьетъ, оттерплюсь, такъ за то опослѣ лучше будетъ, какъ приворожу его къ себѣ. И запоръ тоже не держитъ. Ужъ куда вонъ Миколай-то свою жену было заперъ—въ сарай подъ замокъ, такъ подворотню какъ то вынула да убѣжала,

—Вишь ты диво какое, какъ онѣ ихъ обошелъ!

—Ужъ подлинно, что обошелъ! Такъ вотъ и взѣблѣсь мужики-то на этого колдуна, сговорилось ихъ должно быть человѣкъ пять, и хотѣли поймать гдѣнибудь да поколотить его. Такъ узналъ видно, окаянный, чрезъ бабъ-то, надо полагать, провѣдалъ и не сталъ больше показываться днемъ въ селѣ. Только и пріѣхалъ къ намъ въ село вечеръ Василей Слободской, лугъ мы ему запродали, остался недокошеннымъ. Купилъ онѣ этотъ самый лугъ и поподчивалъ сельскій міръ виномъ. Собрались мы у Павлова-то дома да и роепили его. Поздно ужъ было, стали было все расходиться по домамъ, только вдругъ откуда ни возмись и явись этотъ самый колдунъ, за виномъ, надо полагать, къ Павлу-то было пришелъ, вашей милости, я думаю, извѣстно, что онѣ давно вѣдь ужъ виномъ тайкомъ торгуетъ? Тутъ и схватили его—друга сердечнаго наши-то ребята и давай его бить. Поднялась суматоха, народъ опять сбѣжался, бабы прибѣжали... Какъ поднял-

ся этотъ крикъ да гамъ, тутъ и выбѣжала вдругъ изъ Павлова-то дома эта самая Марья Крюкова, и выбѣжала-то она въ одной рубахѣ, какъ спала, испугалась чтоли она съ просонковъ крику-то, а можетъ статься пожаръ, подумала. Лишь только завидѣли ее бабы такую-то, да увидали, откуда она выбѣжала, всѣ и напали на нее, вцѣпились ей въ волосы да бить давай ее.

— А эти что тутъ—бабы-то? Онѣ за что?

— Да какъ же, батюшка, за что?!. Вѣдь и ихъ ужъ то же горе взяло! На-ко-се она—безстужая какое дѣло учинила, отъ живой жены мужа отбила! Вѣдь это всѣмъ бабамъ зазоръ, всякая за себя тоже боится... Такъ вотъ какъ накинудись бабы на Марью, а Павелъ-то за нее вступился, бабъ нашихъ началъ бить... Вѣдь онъ самъ канитель-ту эту затѣялъ, самъ первый началъ драку-то.

— Знамо онъ, подтвердилъ другой крестьянинъ. Какъ бы не онъ, такъ ничего этого и не было. Подрались бы бабы-то промежъ себя, поцарапались своимъ бабьимъ дѣломъ, да такъ бы и прошло... А онъ вотъ нѣтъ, не вытерпѣлъ, тоже радѣетъ ей, даромъ что не законъ она ему.

— Ну такъ какъ же вы въ домъ-то къ нему ворвались, въ дому-то все у него побили? переспросилъ о. Родіонъ.

— Да такъ вотъ, батюшка: видятъ мужики, что Павелъ бабъ ихъ бьетъ, всѣ и кинулись на него, ну и пошла тутъ свалка. Какъ понялъ Павелъ, что дѣло-то плохо, въ избу было къ себѣ бѣжать, запереться хотѣлъ, а мужики за нимъ, не дали ему запереться-то, ну тутъ въ горячахъ-то можетъ статься и побили что, вѣдь мы отъ этаго не отпираемся...

— Такъ чѣмъ же у васъ дѣло-то кончилось?

— Тѣмъ и кончилось: Павла-то побили, а эту самую... Марью-то его связали да въ погребъ въ яму посадили для прохлады значить... Ну а колдунъ-то въ этой суматохѣ и пропалъ, никто даже не видалъ, куда онъ дѣлся... колдовствомъ своимъ исчезъ.

— Ахъ мошенники вы эдакіе! началъ о. Родіонъ. Павелъ-то вѣдь говоритъ не то, онъ вонъ показываетъ, что денегъ вы у него сто рублей украли, съ разбоемъ приходили!

— Ну ужъ это, батюшка, кто же ему вѣдь и повѣритъ, чтобы весь міръ пошелъ къ нему съ разбоемъ?! Нѣшто

міръ польстится на его на сто рублей? Это вретъ онъ мошенникъ! Вотъ что правда такъ правда, мы тебѣ какъ отцу духовному каемся: что побили его, такъ это вѣрно, за это мы хоть сейчасъ отвѣтъ дадимъ передъ начальствомъ, потому стоитъ онъ того, міръ его за дѣло поучилъ, знай значить свой настоящій законъ, а безъ закона не балуйся...

— Такъ-то такъ, замѣтилъ о. Родіонъ, а все-таки самовольничать-то и вамъ не велятъ.

— Какое же, батюшка, тутъ самовольство! Вѣдь если бы одинъ ктонибудь прибилъ его, али двое, ну такъ, это самовольство. А тутъ вѣдь цѣлымъ міромъ... на міру, стало-быть, такъ положили, чтобы поучить его.

— Кто же далъ міру-то такое право?

— Какъ же у міра не быть такому праву? Ужъ это изстари ведется такъ, міръ можетъ поучить. Въ старину еще не такъ учили, прутьями драли на міру.. Вотъ это, что посуду-то побили, такъ точно что не слѣдовало бы, потому это не законъ... Такъ за это, стало быть, мы ему и заплатимъ, что слѣдуетъ, отъ этаго мы и не отрекаемся.

— И сто рублей заплатите.

— За что же мы ему ихъ заплатимъ? Никто не повѣритъ ему въ этихъ ста рубляхъ!

— И вамъ тоже не повѣрятъ. Вѣдь вы вотъ его избили, въ дому у него все перебили, тутъ легче повѣрить, что и сто рублей ктонибудь изъ васъ унесъ, а платить-то ихъ и заставятъ васъ всѣхъ!

— Неужели заставятъ?

— Конечно заставятъ.

— Да вѣдь ей Богу же мы не брали!

— Никто этого не знаетъ, а онъ вонъ показываетъ.

— Вотъ они колдуны-то! Онъ вотъ намутилъ да исчезъ, а ты тутъ платись за него опосля, ужъ лучше бы его не трогать... Ты бы, батюшка, сходилъ къ Павлу-то, посоветилъ его, поговорилъ бы... обратился крестьянинъ къ о. Родіону.

— Что же я поговорю ему?

— А то и скажи, что міръ не хочетъ—де суда, міръ идетъ на мировую... потому какъ дѣло это колдовское, такъ и суда тутъ міру не будетъ... А міръ-де все таки за побитое тебѣ заплатить.

— Ну а сто-то рублей?

— А на ста рубляхъ мы всѣмъ міромъ присягу примемъ, что мы ихъ не брали.. Вѣдь и ему-то тоже, батюшка, не хорошо, какъ мы на него всѣмъ міромъ бумагу подадимъ да пропишемъ, какое беззаконное сожительство онъ у насъ затѣялъ, вѣдь ему что тогда?

— Въ монастырь запрячутъ!

— То-то вотъ и есть! Такъ ты ужъ, батюшка, такъ ему и скажи, что и тебѣ малъ монастырь.

При посредствѣ о. Родіона Навель дѣйствительно пошелъ съ крестьянами на мировую. Крестьяне заплатили ему за побои и побитое пятнадцать рублей и проклинали колдуна, за то и Навель послѣ этого сталъ жить тише и болѣе сталъ радѣть по своему законѣ, каковую переменъ крестьяне опять таки не приминули приписать вліянію такъ внезапно явившагося и еще послѣшше исчезнуваго колдуна.

3. Смерть колдуньи.

Поздняя осень. Крестьяне села Мокраго совсѣмъ покончили съ полевыми работами, или, какъ они выражаются, „убрались съ полей“. Въ это осеннее время недостатковъ у крестьянъ не бываетъ, нужда къ нимъ пока еще не заглядываетъ; всякій крестьянинъ намолотилъ себѣ свѣжаго хлѣба, много ли мало ли, но все таки на первое время достаточно, чтобы быть сытымъ. А когда человѣкъ бываетъ сытъ и чувствуетъ себя обеспеченнымъ хотя на нѣкоторое время, то естественно у него рождаются другія потребности и являются заботы объ ихъ удовлетвореніи. У крестьянъ въ это время одною изъ главныхъ потребностей является для молодыхъ людей потребность жениться и посягать, а потому и у пожилыхъ людей, особенно у отцовъ и матерей, теперь новая забота о томъ, чтобы женить парня, или отдать дѣвку замужъ. Такъ бывало изъ года въ годъ каждую осень, такъ было и теперь въ эту осень. Уже много было повѣнчано о. Родіономъ свадьбъ съ того времени, какъ покончились работы, много выпито было крестьянами вина на этихъ свадьбахъ, мокровскіе крестьяне справляютъ свои свадьбы на славу: ведеръ по пяти вина выпивается на каждой свадьбѣ, а если свадьба по богаче, то выпивается и больше. Народъ хлѣбный, то говорить.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней часовъ около трехъ по полудни въ село Мокрое въѣзжалъ свадебный поѣздъ изъ одной приходской деревни. Поѣздъ былъ большой, подводъ около десяти тянулось по дорогѣ. Впереди ѣхали разные дружки и сваты и, такъ какъ время было уже не раннее, то всѣ они были достаточно выпивши. Только что поѣздъ въѣхалъ въ село, какъ вдругъ впереди изъ одной крестьянской избы, откуда ни возьмись, выбѣжала старая Ульяниха и, пробѣжавъ улицу поперекъ, остановилась у своей небольшой хаты, чтобы наблюдать поѣздъ. Завидѣвъ Ульяниху, перебѣгающую дорогу, поѣзжане, ѣхавшіе впереди, закричали на нее, заволновались. И дѣйствительно, не успѣлъ поѣздъ отѣхать и нѣсколькихъ сажень отъ того мѣста, гдѣ пробѣжала Ульяниха, какъ передняя телѣга вдругъ ухнула въ ухабъ и колеса увязли въ грязи по самыя ступицы. Когда же начали хлестать кнутъями коня и онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы вытащить телегу, то лопнулъ вдругъ мочальный гужъ, и лошадь распряглась. Тутъ для всѣхъ поѣзжанъ стало очевиднымъ, что что нибудь недоброе подѣлала Ульяниха, что все это — ея дѣло. Въ одинъ мигъ пьяные дружки и сваты соскочили со своихъ телѣгъ и съ угрожающими криками и бранью бросились на Ульяниху. Ульяниха, замѣтивъ это грозное приближеніе поѣзжанъ и понявъ въ чемъ дѣло, бросилась было бѣжать во всю свою старческую прыть и хотѣла скрыться за дворами, но быстроногіе сваты и дружки тотчасъ же ее нагнали и начали бить. Ульяниха дрожала всѣмъ своимъ старческимъ тѣломъ и не могла выговорить даже слова отъ испуга. На побоище это сбѣжались и сельскіе мужики и бабы, и никто однако же не рѣшился защитить ее. Били впрочемъ ее немного, да и бить-то собственно говоря печего было, потому что Ульяниха чело-вѣкъ старый и тощій, одни только кости да морщинистое тѣло. Поэтому поѣзжане, какъ ни были раздражены, потрепавъ ее немного, бросили, и сосѣди тотчасъ увели, или точнѣе унесли ее въ ея хату.

Управившись съ Ульянихой поѣзжане начали вытаскивать увязшую въ грязи телѣгу и перепрягать лошадь. Сельскіе обыватели собрались около нихъ кучкой и праздно глядѣли.

— Отъ нея, батюшка, ужъ подлинно что отъ нея все это подѣлалось, говорила одна женщина знакомому ей свату. Вѣдь у меня она сидѣла передъ этимъ въ избѣ-то, отъ меня и черезъ дорогу перебѣжала. Все сидѣла ничего, а тутъ ужъ вотъ незадолго передъ этимъ, какъ вамъ въѣхать въ село, и стала вдругъ собираться домой: пора, говорить, мнѣ домой итти. Погоди, говорю я ей, посиди еще, куда торопишься! Такъ нѣтъ таки не усидѣла: посидѣла это еще немного, а тутъ вдругъ чутьемъ словно почувала, что свадьба ѣдетъ, какъ побѣжить изъ избы-то, да прямо черезъ дорогу! Не простаясь даже и убѣжала, вотъ оно какое дѣло-то!

— Знамо отъ нея, отъ кого же больше то! отвѣчалъ свать. Вѣдь вотъ гужь-то онъ совсѣмъ еще новый, отъ чего же бы ему рваться-то?

— Ей вѣдь ужъ, родимый, это не въ первый разъ; вотъ прошлую зимой на свадьбѣ у нашего Гаврила вѣдь какъ ее тоже избили! Такъ нѣтъ, неймется.

— Тоже за это самое? спросилъ свать.

— Нѣтъ, тамъ ужъ не такое дѣло она сдѣлала, послѣ вѣнца. Приѣхали отъ вѣнца-то и ее тутъ позвали, тоже на почетное мѣсто посадили, какъ быть гостью... Стали подчивать виномъ первое дѣло ей поднесли, выпила, потомъ жсниху, тоже выпилъ, ничего; а какъ поднесли затѣмъ третью рюмку невѣстѣ да выпила она, такъ тутъ же ее и заломало: бросилась она въ сѣни да тамъ и упала на полъ, и почало ее корезить, забила, сердечная. Тутъ сейчасъ замокъ положили ей на сердце(*), она прямо и начала ругать Ульяниху. Ульяниха то вонъ изъ избы, да эдакъ же вотъ бѣжать было хотѣла, анъ нѣтъ схватили ее да и подвели къ невѣстѣ-то. Какъ только подвели, она сейчасъ и бросилась было на Ульяниху да и вцѣпилась въ нее такъ, что насилу оттащили ее, совсѣмъ было задушила!.. Ну тутъ видимое дѣло, что она ее испортила и давай ее бить... Вѣдь какъ тогда тоже ее били, такъ нѣтъ вотъ неймется!

(*) Замокъ кладутъ на сердце порченой для того, чтобы она назвала, кто ее испортилъ.

— Уймешь ли ее этимъ, когда она ужъ такая... эхидная, отвѣчалъ свать.

— Хорошо еще, родимый, что не на невѣстину подводу попало, до нея-то не дошло... А то Богъ знаетъ, чтобы вышло...

— Нѣтъ, отвѣчалъ свать, ей до нашей-то невѣсты не добратся, у ней есть чѣмъ защититься отъ этого.

— Что же, батюшка, у ней есть-то?

— „Сонъ Богородицы“ мы ей на шею привязали, такъ ужъ скоро-то ее тоже не достанешь.

— Ну вотъ-вотъ, кормилецъ! А не будь этого, такъ и Богъ знаетъ, чтобы вышло!

Телѣга была вытащена, лошадь впряжена. Послѣ этого поѣздъ снова тронулся въ путь и дальнѣйшее движеніе до церкви совершилъ благополучно.

Не прошло и недѣли послѣ описаннаго событія, какъ къ о. Родіону пришла женщина, которая оказалась снохою Ульянихи.

— Что ты, Алена, за чѣмъ пришла?

— Къ тебѣ, батюшка, пришла, до тебя нужда: похрани..

— Кого похранить?

— Да матушку-свекровь, что Ульянихой-то все звали.

— Что же съ ней случилось? Отъ чего она умерла?

— Кто ее знаетъ отъ чего? Ужъ такъ смерть стало быть пришла.

— Хворала, или нѣтъ?

— Какъ же, батюшка, хворала. Вотъ какъ побили ее ономась осиновскіе то свадебные мужики, такъ съ тѣхъ поръ она и слегла въ постель, съ испугу чтоли, или такъ ужъ захворала... Пролежала эдакъ дня съ два, все перемогалась, а потомъ языкъ у ней отнялся, ничего ужъ не говорила передъ смертью-то.

— Такъ что же вы не напутствовали ее, не приобщили, когда хворала?

— Да какъ, кормилецъ, ее было приобщать-то? Сначала, какъ въ языкъ-то еще была, такъ сама ничего про то не говорила, не пожелала значить, а потомъ, какъ языкъ-то у ней отнялся, такъ какъ ужъ ее было приобщать-то?

— Вы мнѣ только бы сказали, я зналъ бы ужъ какъ приобщить ее!

— Оно конечно... да вѣдь вотъ что, батюшка, правду надо сказать, что она и сама этого бы не пожелала.

— Какъ такъ—не пожелала?

— Да вѣдь она, кормилецъ, была колдунья, такъ нѣшто колдунья пожелала бы причастья? Она вонъ какъ и умерла-то... Смерть-то ея была какая...

— Какая?

— Да какъ тебѣ сказать... Мы и сами не видали, какъ умерла она. Вѣдь я, батюшка, человекъ одинокій, жила одна при ней съ своими ребятишками, а мужъ-то мой въ работникахъ живетъ, такъ одной-то мнѣ боязно было съ ней оставаться... Еще когда она такъ-то лежала, языка-то когда еще не лишилась, такъ словно бы ничего, не такъ было боязно. А какъ отнялся у ней языкъ, такъ мнѣ и страшно стало, ну и стала я съ ребятишками на ночь уходить изъ избы-то, одну ужъ ее на ночь оставляла... боязно мнѣ было.

— Чего же боязно-то?

— Да кто ее знаетъ... она вѣдь вонъ какая!.. Какъ отнялся у ней языкъ-то, и стала она все рукой махать.... вотъ машить рукой, словно бы манить меня, чтобы я къ ней подошла, а ничего не говорить. Ну а мнѣ боязно къ ней подойти-то, что она меня манить такъ рукой.. Пошла я эдакъ же вотъ къ сосѣдкѣ Матренѣ да и рассказала ей, что рукой она меня все манитъ... Разказала я ей про это, а она мнѣ и говоритъ: ты вотъ что, говоритъ, Алена, ужъ коли рукой она машетъ да манить тебя, такъ ты къ ней не подходи, если не хошь душу свою загубить; это она свое колдовство хочетъ тебѣ передать. Вотъ какъ бы языкъ-то, говорить, у ней не отнялся, такъ она стала бы тебя все просить: возми да возми, стала бы твердить. Какъ только ты отвѣтила бы ей: давай, такъ она сейчасъ же бы и передала тебѣ все свое колдовство. Ну а теперь вотъ, какъ языка-то у ней нѣтъ, такъ она рукой машетъ тебѣ, манить словно бы тебя. А какъ сейчасъ подойдешь ты къ ней да протянешь руку, такъ тутъ же она и передастъ тебѣ изъ рукъ въ руки это колдовство. Какъ разказала она это, мнѣ и еще страшнѣе сдѣлалось, боязно стало и въ избу то взойти... Ужъ если испить дать нужно, или другое что посмотретьъ, такъ свою

дѣвченку посылала все, потому, думаю, она еще мала, ей не передать. Такъ что же бы ты, кормилецъ, думалъ? Все таки вѣдь передала! Правду вотъ люди-то говорятъ, что ни одинъ колдунъ безъ того не уиретъ, чтобы не передать комунибудь свое колдовство.

— Такъ кому же она передала?

— Вѣнику, кормилецъ, ему и передала.

— Полно, дура!

— Ей Богу! Провалиться вотъ на мѣстѣ... не за долго ужъ, передъ самой смертью. Видитъ она, стало быть, что передать ей не кому, я-то, вишь, въ избу не вхожу, а другова когонибудь тоже нѣтъ, ну вѣнику и передала.

— Да какъ же она вѣнику-то передала?

— Тамъ кто ее знаетъ, ужъ какъ она передала? Стало быть какънибудь да передала. Только послала я въ послѣдній-то разъ свою дѣвченку посмотреть, что съ ней дѣлается, а дѣвченка-то вдругъ выбѣгаетъ изъ избы да мнѣ и говоритъ: мамка, говоритъ, въ избѣ-то вѣникъ по полу пляшетъ! Полно? говорю я ей. Ей Богу, говоритъ: вхожу я въ избу-то, а вѣникъ по полу и ходитъ одинъ самъ по себѣ, вотъ, говоритъ, пляшетъ, вотъ пляшетъ по полу-то! Немного погодя отворила я дверь, смотрю, а она ужъ на полу лежитъ, подъ столъ съ лавки-то упала да такъ тутъ и скончалась. Посмотрѣла я, а и вправду вѣдь вѣникъ-то стоитъ на другомъ ужъ мѣстѣ, не на томъ, гдѣ бы ему слѣдовало быть. Такъ вотъ оно, кормилецъ, какое дѣло то.

— Экая ты дура! замѣтилъ о. Родіонъ. Вѣдь эдакъ-то, быть можетъ, ты ее и уморила, коли одну все оставляли?

— Какое, кормилецъ, уморила, вѣдь дѣвченка-то тутъ все около нея вертѣлась, такъ какъ же уморила-то?

— Да какъ же! Человѣкъ умираетъ, гдѣ бы слѣдовало побыть тутъ около нея, глаза ей закрыть, а онѣ всѣ прочь бѣгутъ!

— Да вѣдь кормилецъ, какъ бы она человѣкъ-то была хорошій, настоящій, ну такъ, кто бы тогда прочь отъ нея побѣжалъ! А то она вонъ была какая — колдунья, такъ какъ же не бѣжать-то отъ нея? Нечего ужъ этого таить, надо правду сказать: и живая-то она была, такъ мы всѣ ее боялись; бывало только и слышишь, когда чѣмънибудь

прогнѣвишь ее: помни да, помни! Такъ какъ же тутъ не бояться-то ея? Хоть и свекровь, она мнѣ, а добромъ не помянешь.

— Да почему же ты знаешь, что она колдунья?

— Ну какъ не знать, всѣ вѣдь на селѣ то знаютъ это, всѣ говорятъ...

— Мало ли что говорятъ, не всему можно вѣрить!

— А вотъ хоть бы это дѣло: забилась она подъ столъ-то, какъ стала умирать, такъ насилу мы вытащили ее оттуда опосля-то... Какъ-то такъ потрафила между ножками, что не вытащишь никакъ да и только, словно обвинилась она около этихъ ножекъ. Такъ нешто это спроста? Нешто ей такъ слѣдовало бы умереть-то, коли бы она не была колдунья? Да и мало ли... всѣ вѣдь ужъ про это говорятъ!

— Конечно, билась чай передъ смертью-то, ну и упала подъ столъ. А на тебѣ грѣхъ будетъ, потому что ты оставила ее при послѣднемъ концѣ. Можетъ быть, она и убила какъ, отъ того и померла!

— Какое, батюшка, убила! Какъ, сдала она вѣнику-то колдовство свое, ну знамо тутъ и померла, что же ей больше-то?... Ужъ ты, батюшка похрани ее, и насъ-то развяжи, а то все боязно.

Похранилъ о. Родіонъ Ульянику, и мало нашлось въ селѣ такихъ, которые бы пожалѣли о ней; даже близкіе родственники и тѣ не особенно сѣтовали и печалились. Всѣ были ради, что въ селѣ однимъ колдуномъ стало теперь меньше. Думали, что со смертію Ульяники тотчасъ же погибнетъ и память о ней навсегда. Но не тутъ-то было. Вскорѣ обнаружилось, что Ульяника и мертвая можетъ быть еще страшна для живыхъ. Тотчасъ же послѣ похоронъ стали ходить слухи, что мертвая Ульяника ночью встаетъ изъ своей могилы и бродитъ по селу, заходитъ каждую ночь въ свой домъ, посѣщаетъ и другія жилища; говорили потомъ, что въ это время она принимаетъ на себя разнообразныя виды, по преимуществу разнаго рода звѣрей и животныхъ; многіе утверждали наконецъ, что они видали ее въ этихъ звѣриныхъ образахъ самолично. Слухи эти нагнали паническій страхъ на все село, но особенно сильно дѣйствовали они на домашнихъ умершей

Ульяники. Наконецъ недѣли двѣ спустя является къ о. Родіону сынъ ея, тотъ самый, про котораго жена его Алена объяснила о. Родіону, что онъ живетъ въ работникахъ, и который не былъ даже на похоронахъ матери.

— Что мнѣ, кормилецъ, дѣлать? Покоя не даетъ покойница-матушка, житья нѣтъ отъ нея, просто хотъ домъ заколачивай да ходи куда-нибудь! Нарочно вотъ за тридцать верстъ пришелъ, жена вызвала: жить, говорить, не могу, страхъ одолѣлъ.. объяснялъ онъ о. Родіону.

— Что же она такое, чѣмъ васъ беспокоитъ?

— Да ходитъ, батюшка, все, каждую ночь ходитъ въ свой домъ. Какъ только наступитъ ночь, да улягутся всѣ спать, такъ тутъ тогчасъ же она и является. Войдетъ это въ избу и почнетъ ходить по избѣ, то словно въ печку полѣзетъ, то по полавашикамъ шуршитъ, то шкафъ словно отворитъ, ну однимъ словомъ вездѣ заглянетъ, какъ настоящая хозяйка. А ѣсть ей такъ ужъ всякую ночь оставляй на столѣ. Какъ сейчасъ поужинали сами, такъ все, что осталось, и не тронь на столѣ. А если когда не оставишь ничего, такъ разозлится, всѣ горшки перебьетъ.

— Что же она и съѣстъ все, что ей оставятъ?

— Съѣстъ-то, батюшка, всего не съѣстъ, а налюхаетъ только. Ну а когда налюхаетъ она хлѣбъ тамъ, али другое что, такъ куда ужъ оно годно? Прямо выкидывать нужно, и скотинѣ-то послѣ нея ужъ не годится.. Такъ вотъ оно, кормилецъ, какое дѣло то! Житья просто нѣтъ отъ нея во всемъ дому. Одно ужъ только отъ нея спасенье на печи. Забыются, говорить жена то, на печь всѣ въ уголь да закроются, ну и лежатъ тамъ всю ночь ни живы ни мертвы, тѣмъ только и спасаются..

— Какъ же они видятъ чтоли ее въ избѣ-то?

— Гдѣ же, батюшка, тутъ ночью ее видѣть! Ночью ее не увидишь; а все таки вѣдь чутъ, какъ она ходитъ по полу-то да шуршитъ по лавкамъ, ну и страшно. А то и сосѣди не разъ тоже видали, какъ она жалуетъ къ намъ въ избу. Вонъ Яковъ сторожъ самъ рассказывалъ, какъ одинъ разъ видѣлъ онъ ее. Въ сумерки, говорить, ужъ темно было, спать всѣ улеглись, а онъ стоялъ еще у своихъ воротъ. Стою, говорить, я и вижу, изъ ограды церковной идетъ свинья, вотъ, говорить, переваливается съ боку на бокъ, и огромная преогромная, какихъ и невиды-

вано никогда. Вышла, говоритъ, изъ ограды церковной да и пошла по посаду-то прямо къ нашему дому, а тутъ стало быть и въ крыльцо вошла.

— Пустяки все, проговорилъ о. Родіонъ, такъ, зря болтаютъ!

— Какъ же, кормилецъ, пустяки-то, когда вотъ люди видятъ? Ну а вѣдь она баба — жена-то моя, что она съ ней подѣлаетъ? Приходитъ ночь-то, говоритъ, сердце замираетъ, отъ одного страху этого такъ умереть можно!

— Ну такъ что же ты ко мнѣ-то пришелъ? Чѣмъ же я могу тебѣ помочь?

— Какъ же не помочь-то? Надо чѣмъ нибудь помочь! Вотъ люди говорятъ выкопать бы ее надо изъ могилы да коль осиновый въ сердце ей забить!

— Что ты выдумалъ! Христось съ тобой! Да за это вѣдь подъ судъ ты попадешь, въ Сибирь ушлешь.

— За что же тутъ въ Сибирь-то? Вѣдь она мнѣ мать, а не чужая..? Стало быть если она такая, такъ какъ же мнѣ съ ней быть-то?

— Такъ и оставь, пройдетъ, это отъ страху больше.

— Да, пройдетъ! Вѣдь вотъ ужъ третья недѣля идетъ, а не проходитъ. Не вдомекъ тогда женѣ-то, когда похранили, а меня-то не было: внизъ лицомъ бы слѣдовало ее положить въ могилу-то, ну и не стала бы вставать. Не догадались... Нешто сверху ужъ мнѣ вбить осиновый-то коль, не копавши могилы? Можетъ статься и сверху въ сердце попаду?

— А лучше бы такъ оставить?

— Какъ же, батюшка, такъ оставить! Ну домъ въ такомъ случаѣ нужно заколачивать, семью стало быть безъ крова совсѣмъ оставить... За тридцать верстъ, вѣдь, нарочно для того пришелъ...

— Мнѣ что за дѣло, вколачивай, какъ хочешь, заключилъ о. Родіонъ свои объясненія съ мужикомъ.

Въ тотъ же день этотъ сынъ колдуньи дѣйствительно вбилъ длинный осиновый коль въ могилу своей матери и былъ увѣренъ, что непременно угодилъ ей въ самое сердце, потому что съ этого времени ея ночныя посѣщенія своего дома прекратились.

О. Тихвинскій.

ЗАКЛЯТЫЙ ДОМЪ.

(Разсказъ старожила изъ живаго мѣстнаго преданія.)

На верху хотя не особенно высоко, но за то слишкомъ крутаго съ обрывистыми со всѣхъ сторонъ спусками холма, какъ бы воздвигнутаго руками людей, среди обширной и гладкой равнины, охватывающей его со всѣхъ сторонъ, стоитъ красивая искусной архитектуры церковь, высокая колокольная которой рѣзко выдѣляется отъ окружающихъ ее предметовъ своею бѣлизною и видна на далекомъ разстояніи. Рядомъ съ этою церковію въ нѣкоторомъ разстояніи отъ церковной ограды, въ которой помѣщается и сельское кладбище, стоитъ большой трех-этажный почернѣвшій и полуразрушившійся отъ времени деревянный домъ, стоитъ онъ теперь одиноко, точь въ точь какъ въ пѣснѣ поется: среди долины, одинъ де у всѣхъ на глазахъ: церковь эта—приходская села Безъотрадова, которое и тянется тутъ же по склону холма въ сторону противоположную одинокому дому, а домъ этотъ бывшая усадьба знаменитаго въ свое время помѣщика Григорія Николаевича Грызунова. Угрюмо и не привѣтливо смотреть этотъ домъ, давно уже покинутый его владѣльцами и теперь никѣмъ не обитаемый. Ни одной живой души не обрѣтается въ этомъ домѣ; даже сторожа, непремѣннаго и единственнаго обитателя всѣхъ покинутыхъ и заброшенныхъ барскихъ имѣній, здѣсь не существуетъ. По этому и все помѣстье пришло въ совершенное раззореніе и запустѣніе. Обширный и густой садъ, нѣкогда тянувшійся позади барскаго дома, теперь весь повыврубленъ и уничтоженъ, и только голые пни многочисленныхъ деревьевъ свидѣтельствуютъ въ настоящее время о его мѣсто-нахожденіи и обширности. Всѣ постройки нѣкогда въ обиліи ютившіяся около барскаго дома, какъ свидѣтельствуютъ о томъ оставшіеся слѣды ихъ мѣстъ, давно также сломаны и растасканы, и самыя мѣста ихъ теперь густо поросли крапивою и лопухомъ.

Отъ всего этого прежняго величія остается нетронутымъ одинъ только этотъ печальный и угрюмый барскій домъ съ наглухо заколоченными окнами и дверями и съ прова-

лившеюся во многихъ мѣстахъ крышею, да и остается-то онъ только потому, что никто изъ мѣстныхъ обитателей не рѣшается близко подойти къ нему, а тѣмъ болѣе войти въ него, такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что домъ этотъ заколдованъ. Одни только летучія мыши, нашедшія себѣ пріютъ въ его гнилушкахъ, выются въ вечернее время около этого дома, да по ночамъ часто раздается съ его кровли печальный крикъ поселившейся на чердакѣ совы,—ночнаго страшилища мирныхъ поселянъ.

А было время, и не такъ еще давно, когда домъ этотъ кипѣлъ жизнью полною роскоши, непрерывнаго веселья и разгула: это было неозвратно минувшее время крѣпостнаго права. Вся окрестная знать и всѣ уѣздныя власти и чиновенство считали для себя за честь быть приглашенными сюда, и стекались толпами, чтобы принять участіе въ роскошныхъ парадныхъ пирахъ, которые довались въ особенно почему нибудь важные и торжественные дни въ году, или отвести душу и забыться въ тѣхъ ночныхъ пиршествахъ, полныхъ всевозможныхъ оргій и всякаго рода безобразій, которыя въ обиліи устраивались хозяиномъ безо всякаго ужъ повода, а единственно по его личному расположенію къ такого рода развлеченіямъ. Громко тогда гудѣли и разливались по всей окрестности звонкіе колокольчики подъ дугами лихихъ троекъ съѣзжавшихся со всѣхъ сторонъ господъ на эти пиршества; на барскомъ дворѣ и въ пристройкахъ для службъ шла усиленная суетня и толкотня многочисленной прислуги, занятой приготовленіемъ этихъ пиршествъ и попоекъ. А лишь только наступалъ вечеръ, весь домъ наполнялся яркимъ свѣтомъ отъ множества зажженныхъ лампъ и свѣчей, и тогда блескъ онъ на всю окрестность, горѣлъ какъ бы охваченный огнемъ пылающимъ, залитый этимъ свѣтомъ, обильно пробивавшимся наружу сквозь многочисленные окна и стеклянныя двери балконовъ; на далекомъ разстояніи можно было видѣть его со всѣхъ сторонъ. Весь вечеръ и всю ночь не умолкаемо гудѣла музыка домашняго оркестра, и подъ звуки этой музыки шелъ неумолкаемый говоръ многочисленныхъ гостей, безпечно и весело пирующихъ за барскимъ столомъ, — и стономъ стоналъ тогда гулъ ихъ голосовъ во влажномъ ночномъ воздухѣ и раз-

носился по окрестности. Затѣмъ послѣ пира можно было видѣть съ улицы, какъ двигались среди этого яркаго освѣщенія подъ тактъ музыки многочисленныя пары танцующихъ мушкетъ и женщинъ, стройныя, мѣрныя и плавныя движенія которыхъ во время баловъ парадныхъ замѣнялись неистовой бѣсовскою пляскою во время не парадныхъ пирушекъ. Не рѣдко такъ же подъ окнами раздавались во всю ночь веселыя народныя русскія пѣсни собранныхъ для потѣхи баръ крѣпостныхъ бабъ и дѣвицъ, у которыхъ это вынужденное веселье, возбуждалось и поддерживалось постояннымъ страхомъ попасть на барскую конюшню, если бы баринъ замѣтилъ, что какая нибудь не весело глядитъ. Все это было, но все это теперь уже прошло и исчезло какъ сонъ, хотя не изгладилось и долго еще не изгладится это бывшее прошлое въ памяти народа. Тяжелыя, горькія воспоминанія встаютъ теперь въ душѣ поселанина, когда онъ видитъ предъ собою этотъ мрачный и угрюмый барскій домъ. Съ ужасомъ бѣжитъ онъ отъ него и обходитъ на далекомъ разстояніи, когда приходится ему возвращаться поздно вечеромъ съ своихъ полей мимо его. Для всѣхъ мѣстныхъ обитателей, хорошо знакомыхъ съ его исторіею, онъ служитъ теперь предметомъ страха и мѣстомъ страшныхъ ночныхъ видѣній, потому что этотъ домъ — заклятый домъ.

II.

У всѣхъ мѣстныхъ поселянъ свѣжо еще въ памяти ведавнее прошлое этого дома, потому что оно тѣсно связано съ ихъ собственнымъ прошлымъ житьемъ бытиемъ, но никто такъ ясно не представляетъ его себѣ и не можетъ такъ живо воспроизвести, какъ мѣстный старожилъ Владиміръ Катеринычъ. Станный человекъ — этотъ Влад. Катеринычъ, — странный самый его видъ, странна его одежда, странно такъ же и самое его отечество, которымъ его величаютъ, и которымъ онъ самъ себя окрестилъ. Юродивый — не юродивый, но получившій отъ самой природы значительную долю какого-то „чудачества“ много восторженный и легко приходящій въ какой то необыкновенный экстазъ при видѣ каждаго сколько нибудь выдающагося

явленія или даже при одномъ воспоминаніи о какомъ нибудь радостномъ событіи къ тому же со многими природными органическими недостатками, онъ отъ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя назорейству, т. е. не стригъ волосъ, одѣвался въ духовную одежду, ходилъ по богомольямъ въ недалніе монастыри и села, прислуживалъ въ церквахъ и въ особенности же любилъ духовныхъ — священниковъ и діаконъ, изъ которыхъ у многихъ онъ всегда находилъ радушный себѣ пріемъ, и которыхъ онъ потому называлъ своими благопріятелями. Судьба жестоко посмѣялася надъ нимъ въ молодые годы. Когда онъ достигъ совершеннолѣтія, то помѣщикъ, считая его человекомъ праздношатающимся и бесполезнымъ, отдалъ его въ солдаты, не смотря на то, что онъ отъ природы былъ подслѣповатъ и близорукъ. И сколько горя перенѣлся этотъ причудливый, но весьма пастойчивый и упрямый человекъ въ военной службѣ, требованіямъ которой онъ никакъ не хотѣлъ подчиниться, и которую онъ теперь не иначе называетъ, какъ „пагубою.“ „Я не на то рожденъ, твердилъ онъ на всѣ требованія начальства, сопровождаемыя боями и наказаніями, — я рожденъ Богу молиться,“ и вмѣсто того, что бы идти на караулъ, куда его посылали, шелъ въ церковь ко вѣночной или къ обѣднѣ, мирно возжигая тамъ свѣчи и кадило, вмѣсто военного ученія или работъ забирался въ мѣстный монастырь къ какому нибудь духовному благопріятелю, которыми живо умѣлъ обзаводиться. Наконецъ и само военное начальство признало его неспособнымъ къ военной службѣ и уволило. Теперь онъ снова отпустилъ свои длинныя рыжіе волосы, выющіеся кольцами по плечамъ, снова надѣлъ монашескую шапочку и подрясникъ, по которому опоясался широкимъ ремнемъ, и странствуетъ по богомольямъ, навѣщая своихъ благопріятелей. Одного не любитъ онъ теперь, когда напоминаютъ ему о военной службѣ, и питаетъ какое-то непреодолимое отвращеніе ко всему, что носитъ на себѣ признаки барства. Зоветъ онъ себя Владиміромъ Катериничемъ не потому, чтобы у него не было совсѣмъ отца, но потому что отецъ этотъ, не вынесши барскихъ мученій, вдаль въ бѣги и пропалъ безъ вѣсти, покинувъ на произволъ судьбы своихъ мало-

лѣтнихъ дѣтей, которыхъ и воспитала мать; въ благодарность за это онъ и величаетъ себя теперь по имени своей матери.

Разъ передъ вечеромъ шелъ я по дорогѣ по направленію къ селу Безотрадову и на одномъ перекресткѣ, гдѣ соединялись двѣ дороги, встрѣтился со Владиміромъ Катеринычемъ, который также направлялся къ своему селу, почему мы и пошли вмѣстѣ. Оказалось, что онъ возвращался изъ своего „хода“, который онъ предпринималъ въ какой-то монастырь для богомолья. Шелъ онъ въ своей монашеской шапочкѣ и въ подрясникѣ съ посохомъ въ рукахъ, но босымъ; сапоги привязаны были за плечами.

— А часто ты такъ-то путешествуешь? спросилъ я.

— Да вотъ теперь, Богъ дастъ, недѣльку переотдохну, дома пробуду, а тамъ, Господи благослови, и опять въ ходъ.

— Куда же теперь направишься?

— Къ Николѣ іерею въ село Егорьевское. Дивный тамъ у меня есть благопріятель іерей Никола. Прошлый годъ былъ у него, тамъ милость свою мнѣ подарилъ, словно Ілія дивный съ неба спустилъ, вотъ эту самую, — и онъ указалъ на свой подрясникъ.

— А много у тебя такихъ-то благодѣтелей?

— Много ихъ дивныхъ-чудныхъ, всѣ они мнѣ благопріятели, не оставляютъ.

— У тебя, должно быть, вся эта одежда-то дареная?

— А то гдѣ же бы мнѣ взять-то? Недавно вотъ былъ также у друга моего благопріятели, іерея дивнаго, такъ тотъ свою срачицу подарилъ, вотъ она свѣженькая еще! и онъ развернулъ передо мною бѣлую рубаху, которую несъ въ рукѣ.

— Такъ чтоже ты ее съ собой-то носишь, для чего? — поинтересовался я.

— А для храма Божія; какъ же безъ срачицы въ храмъ Божій итти? Помолился, ну и скинулъ, опять значить въ первое состояніе съ раствореніемъ превратился...

— Такъ тепериче, значитъ, ты безъ рубахи?

— Знамо безъ срачицы! Подобаешь ли намъ облакать плоть свою грѣховную въ бѣлую срачицу, когда мы нагими изгнаны изъ рай? Нагими изгнаны, нагими и жить

должны въ этой пропасти грѣховной. Вотъ другое дѣло, когда въ храмъ Божій идешь. Въ храмъ идешь, все едино, что опять въ рай возвращаешься, значить и срачицу бѣлую надѣть подобаетъ, чтобы въ приличномъ видѣ предстать предъ Бога и бесѣдовать съ нимъ лицомъ къ лицу. А коль скоро изъ рая вонъ то есть изъ храма, такъ сейчасъ ужъ срачицу эту долой, чтобы ты видѣлъ наготу свою и каляся; а то живо забудешь, откуда выгнанъ ты, какъ облачишься во всѣ эти порфиры и виссоны... Скинь-ко добро, вдругъ обратился онъ ко мнѣ, свою то срачицу, на что она тебѣ теперь, когда идешь ты въ этой юдоли плачевной? Забудешь, вѣдь, изъ какова хорошаго мѣста ты попалъ сюда, какъ плоти-то своей грѣховной не будешь зрѣть... Да и подпотишь пожалуй тоже подъ одежей-то вѣдь въ мірѣ мы живемъ во плоти, испарина бываетъ тоже.

— Полно чудить-то! Ну что же бы вышло тогда, если бы мы всѣ стали ходить нагими?

— А то и вышло бы, что меньше тогда было бы людской-то неправды и міроѣдства, какъ всѣ-то видѣли бы на себѣ ежечасно, въ чемъ спровадилъ насъ Господь изъ рая-то. Да и обдирать-то съ другаго тогда ужъ было бы нечего, развѣ кожу стали бы драть съ людей не раскаянные міроѣды. Какъ вотъ жили святые-то въ пустыняхъ безъ одежды, да плакали о раѣ, смотря на обнаженную плоть свою, такъ и келей своихъ не замыкали, и обиды у нихъ никакой не было.

— Да ты, Владиміръ, грамотный? поинтересовался я.

— Нѣтъ, этой премудрости Господь не удостоилъ; да и кому тогда было учить насъ грамотѣ, какъ жили мы подъ этимъ игомъ египетскимъ! До того ли было!

— Какъ же ты знаешь писаніе-то?

— А такъ, въ храмѣ Божіемъ слушаешь, на иконахъ видишь, а іереи дивные тебѣ все это растолкуютъ, ну и помнишь.

Разговаривая такимъ образомъ, мы приблизились къ барскому дому, мимо котораго шла дорога.

— А что, Владиміръ, бывалъ ты когда нибудь въ этомъ домѣ? Что въ немъ теперь есть?— спросилъ я.

— Что ты, дивной, Христосъ съ тобой! — испуганно отвѣчалъ Владиміръ. — Это прямо, значитъ, итти въ адъ къ самому Вельзевулу.

— Какъ же это такъ? Развѣ адъ-то тутъ находится?

— Знамо тутъ, гдѣ же ему больше быть-то! Вѣдь ты знаешь, какой это домъ?

— Знаю, это домъ помѣщичій.

— Былъ онъ когда-то... не помѣщичій, какіе же они были помѣщики?! — а этихъ самыхъ нашихъ гонителей мучителей — Грызакъ-то(*), ну а теперь ужъ нѣтъ, теперь онъ домъ Вельзевула, потому Вельзевулъ въ немъ поселился со всѣмъ воинствомъ своимъ.

— Какъ же онъ тутъ поселился?

— Хороши больно были его-то прежніе владѣтели, наши мироѣды, ну и нашлись добрые люди, что посадили имъ этихъ гостей. Ты знаешь, кто были эти Грызунны то?

— Слыхалъ кой что.

— Порожденіе ехиднино — вотъ кто они были! И весь ихъ родъ былъ такой кровопійственный. А самый то послѣдній изъ нихъ, послѣднее ихъ отродье, былъ такой, что самъ Вельзевулъ князь міра сего въ него вселился... Вѣдь не отъ чего же теперь село-то опустѣло, теперь и въ половину во селѣ народу не осталось супротивъ того, что прежде было, вотчина была большая.

— Куда же народъ дѣвался?

— Разбѣжались всѣ, въ бѣги вдалились да такъ и пропали безъ вѣсти. Лють ужъ больно былъ этотъ нашъ-то послѣдній игемонъ.... тоже и имя человѣчье дано было, какъ путному, Григорьемъ Николаичемъ грызаккой звали...

— Грызуновъ, а не грызака, замѣтилъ я.

— Грызуновъ то мало ему, потому это все еще на человѣчье прозвище походить, а пужно звать его грызака, потому самъ Богъ въ пса превратилъ его еще при жизни, какъ Навуходоносора окаяннаго.

— Ну ври больше!

— Ей Богу въ пса, потому по собачьи лаялъ передъ

[*) Грызуновыхъ.

концемъ своимъ. Хоть Богъ и оставилъ ему видъ-то чело-
вѣка, а природа то у него ужъ сдѣлалась собачья.

—Ты, я вижу, ненавидишь его больно, потому и гово-
ришь такъ. Вѣдь грѣхъ на мертвыхъ сердиться!

—Я не сержусь, а хорошимъ словомъ помянуть его
нельзя, слова такого не подберется. Такъ какъ же ты его
добромъ помянешь, когда слова-то такого не подыщешь?
Вѣдь вонъ и въ служеніи церковномъ, какъ нельзя помя-
нуть добрымъ словомъ Іуду-то предателя, такъ вѣдь ка-
кими словами писаніе то церковное его честить? Значить
вотъ не грѣхъ правду-то матушку называть по имени.

Въ это время мы вошли въ село и подошли къ Влади-
мировой кельѣ. Келья эта, одиноко стоящая при крайнѣмъ
села, обращена была двумя своими маленькими оконцами
прямо къ церкви, а потому изъ нея по необходимости ви-
денъ былъ и барскій домъ, вопреки искреннему желанію
владѣльца кельи ни когда не видать его. Подошедши къ
своей кельѣ Владиміръ вытеръ полою подрясника вспо-
тѣвшій лобъ и усѣлся на порогъ. Я послѣдовалъ его
примѣру.

III.

Много онъ душъ загубилъ, продолжалъ Владиміръ, го-
воря о томъ же баринѣ. Вотъ видишь ли,—указалъ онъ
по направленію къ барскому дому, тамъ, гдѣ крапива
то густая растетъ, псарня прежде была, псовъ до двухъ
сотъ на этой псарнѣ содержалось. И сколько народа пса-
ми одними потравилъ этотъ грызака-то, нашъ игемонъ.
Бывало какъ только ѣдетъ на охоту, такъ всѣ въ свои
щели убирайся, на улицѣ уже не попадайся, затравить
псами.

—За что же онъ затравить?

—А такъ, для своей потѣхи; ему любо, какъ псы ма-
со челоуѣчье будутъ рвать, псы значить хорошіе. Разъ,
помню, шли мы съ сѣнокоса, а онъ на встрѣчу ѣдетъ
изъ лѣсу со псами, и напустилъ онъ этихъ псовъ на на-
родъ крещеный. Бросились они, рвутъ людей, а бороться-
ся отъ нихъ бывало не смѣй, увидеть баринъ, что кото-

рый бороться станетъ отъ собакъ, пуще ихъ напустить, ну и розорвутъ, тутъ ужъ ничѣмъ отъ нихъ не отборонится. Только одинъ мужикъ въ тѣ поры не вытерпѣлъ и мотнулъ на нихъ косою до сразу и подрѣзалъ у одного пса обѣ переднія ноги. Песъ-то, вишь, былъ его любимый. Какъ увидалъ это баринъ, что его любимый песъ остался безъ переднихъ ногъ, а на заднихъ ходить-то не умѣетъ, и напустилъ на этого мужика всю псарню, а самъ налетѣлъ да нагайкой давай имъ помогать. Въ ключья разорвали собаки мужика, даже и слѣдовъ никакихъ не осталось отъ него, потому тутъ же эти же самыя собаки и сгрызли его.

— Ну полно?!

— Вотъ ты какой Оома невѣрный! — обидѣлся Владиміръ. Что же вру я тебѣ что ли? Самъ вѣдь видѣлъ, потому и говорю. А сколько народа засѣкъ онъ на конюшнѣ! Ужъ у него бывало если провинится въ чемъ какой крестьянинъ, особенно если разобидитъ его чѣмъ, такъ рѣдко того выносили живымъ съ конюшни, запереть до смерти. А бывало и то, что и такъ дралъ для потѣхи, когда не было работы его спекуляторамъ.

— Какимъ такимъ спекуляторамъ?

— А это такіе люди у него были, нарочно только для того и содержались, чтобы это дѣло исполнять — мужиковъ драть. Такіе же были головорѣзы, какъ и тотъ нечестивецъ, что главу отсѣкъ у Предтечи Іоанна. Такъ соберетъ бывало мужиковъ и велитъ этимъ спекуляторамъ драть отъ девяти десятаго, такъ ни за что ни прочто, сердце, вишь, у него радовалось, когда онъ видѣлъ человѣчью кровь.

— Ужъ это что-то не похоже и на человѣка-то!

— Такъ я-жъ тебѣ и говорю, что у него душа-то была звѣриная, что опосля, передъ смертью-то его вполнѣ и окзалось. — А сколько опять людей въ подвалахъ заморилъ! Вздумается ему бывало, что у котораго нибудь изъ мужиковъ есть деньги, и онъ таитъ ихъ отъ него, сейчасъ зоветъ къ себѣ и требуетъ этихъ денегъ отъ него. Денегъ у мужика не оказывается, да и какія тогда деньги могли быть у мужиковъ, когда вся вотчина выбита была непосильной барщиной, гдѣ ихъ было взять. Баринъ этому не

вѣрить, сейчасъ его подъ пытку—на конюшню драть. Подъ кнутомъ если не скажетъ, своихъ денегъ не объявить, онъ въ подвалъ его засадить и почнетъ голодомъ морить; до смерти заморить друга, а потомъ и скажетъ, что сбѣжалъ-де, безъ вѣсти пропалъ. Всѣ подвалы полны были человѣчьими костями. Вотъ какое оно дѣло-то!

—Да, жестокъ былъ вашъ игемонъ!

—Ужъ онъ-то былъ лютъ, а жена-то его и еще лютѣе.. имя-то было то же святое ей, Варварой звали, а какая же она Варвара? Варвара была вѣдь великомученица, а она сама мучительница—Иродіада нечестивая. Онъ-то мужиковъ на тотъ свѣтъ провожалъ, а она бабъ морила.

—И все это имъ съ рукъ сходило?

—Вотъ сходило значить, когда такъ тиранствовали.

—Можетъ быть потому, что никто не доносилъ?

—Какъ не быть доносамъ! Нѣсколько разъ съ жалобами въ столицу самую ходили, да все ничего. Вотъ какъ теперь помню, не вытерпѣли разъ люди православные, стали собираться поночамъ гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ и думу думать, какъ бы укротить это адово исчадіе, или и совсѣмъ отъ него освободиться,—а наконецъ таки и надумали: выбрали человѣкъ десять отъ вотчины и отправили ихъ въ столицу съ прошеніемъ...

Тутъ Владиміръ остановился, воздѣлъ руки къ небу и потомъ, ударяя ими въ грудь, заволновался, затрепеталъ какимъ-то особеннымъ восторженнымъ трепетомъ и восторженно заговорилъ: о дивные! о чудные мученики за родъ православный! Гдѣ вы теперь, въ какомъ пресвѣтломъ мѣстѣ покоитесь, изгнанники и скитальцы въ землѣ чуждей?—Я каждый день молюсь имъ, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, вѣдь они теперь святые!

—Кто?

—Да эти самые дивные, что въ Питеръ-то которые къ царю ходатаями отправились отъ міра.

—Почему ты знаешь, что они святые?

—Въ видѣніи каждую ночь ихъ вижу, сами ко мнѣ являютъ въ пресвѣтломъ ангельскомъ чинѣ и бесѣдуютъ со мною душеспасительно. Да и какъ же имъ не быть святыми, когда всѣмъ они пожертвовали, яко добрые воины

Христовы, для низложенія адовой власти. Да вѣдь адова-то власть сильна, у ней вонъ какая пасть-то широкая, всѣхъ поглотить! Собрались они тогда, други сердечные, глухою ночью въ самую полночь, помолились на церковь, вотъ на этотъ самый дивный храмъ святой, и отправились въ путь дороженьку пѣшкомъ подѣ видомъ странниковъ. Однакоже игемонъ-то узналъ, что они приняли на себя такой подвигъ великій и отправились съ жалобой противъ него, чрезъ своихъ хамовъ надо быть провѣдалъ и погнался было за ними въ погоню, а ихъ ужъ и слѣдъ простылъ. И Боже мой что тогда было, какъ воротился онъ изъ погони-то! Всю вотчину перепоролъ, души три до смерти загубилъ.

—Что же ходатаи-то добились чего нибудь?

—На этотъ разъ нѣтъ, какъ отправились тогда ночью эти наши дивные подвижники, такъ ужъ больше никто изъ нихъ и не увидалъ своего роднаго селенія, и ихъ самихъ никто больше послѣ того больше не видалъ. До царя-то ихъ тамъ недопустили, потому что у нашего губителя, рука тамъ сильная была, и домой вернуться имъ тоже было нельзя, потому что это было бы все едино, что на вѣрную смерть итти. Такъ и убѣжали они невѣсть куда, и сгибли гдѣ-то на чужбинѣ. И еще потомъ разъ такихъ же ходатаевъ посылали, и тѣ также безъ вѣсти пропали.

—Такъ ничего и не успѣли значить сдѣлать?

—Они-то не успѣли, а Богъ-то! Богъ призрѣлъ на наши страданія, помянулъ всѣ ихъ беззаконія, и послалъ намъ свободителемъ такого человѣка, который навелъ на мучителя всѣ бѣды адовы и свелъ съ лица земли весь родъ его даже до послѣдняго колѣна... Хоть онъ и нечестивецъ былъ, а все таки я за него Бога молю...

—За кого?

—Да за этого самаго дивнаго, что истребилъ сѣмя-то нечестивое Грызуновъ.

—Кто же онъ такой?

—Здѣшній дьячекъ. Хоть и не хорошо бы соприсчислять его къ сонму духовныхъ, да дѣлать нечего, добро все-таки онъ сдѣлалъ намъ. Былъ у насъ въ тѣ-поры дьячекъ, дивный пречудный сладкопѣвецъ. Только хоть онъ былъ и

духовный человекъ, а все таки имѣлъ сообщество съ силой адовой, былъ большой колдунъ, а колдовалъ онъ, говорятъ, все по чернымъ книгамъ, чернокнижникъ значитъ былъ. И случилась съ нимъ разъ исторія такая. Дѣло было о Пасхѣ, пошелъ онъ въ самый первый день послѣ обѣда позвонить на колокольню, — гласомъ господнимъ возвѣстить воскресеніе Христа, а игемонъ-то въ это время только что отдыхать собрался. Нужно тебѣ сказать, что когда онъ опочивалъ отъ адовыхъ дѣлъ своихъ на скверномъ ложѣ своемъ, то звонить строго воспрещено было въ это время, потому не любилъ, адово племя, гласу Господня, тревожилъ, вишь, онъ его, адскій покой нарушалъ. Къ заутрени бывало никогда ужъ не звонили, безъ звону всегда служили. Звонъ разрѣшался только въ обѣднѣ, и то когда самъ онъ проснется да разрѣшеніе дастъ. Такъ вотъ какъ зазвонилъ этотъ дивный дьячекъ, и шлетъ Грызунъ къ нему на колокольню своего хама съ запретомъ, чтобы не звонить. Дьячекъ не послушалъ этого прещенія: время, говоритъ, теперь такое, что Христа славить подобаетъ во тимпанѣхъ и кимвалѣхъ dobroгласныхъ. Тутъ игемонъ и взбѣсился, гнѣвомъ распалился и шлетъ на колокольню цѣлое полчище своихъ иродіанъ — спекуляторовъ. Взяли они его, друга сердечнаго, съ колокольни-то да на конюшню. И было тутъ ему утѣшеніе велие труда ради его бѣднѣнаго. Такъ умастили ему нагайками это мѣсто, что во весь праздникъ только и могъ стоя Бога славословить, а присесть уже не могъ. Вотъ тутъ-то этотъ дивный и обрекъ себя отблагодарить его за эту праздничную ласку, предъ всѣмъ міромъ поклонялся извести весь родъ его.

— И извелъ?

— Тѣмъ же годомъ какъ разъ на Троицу поймалъ перво на перво его самого — игемона-то.

— Поймалъ?

— Поймалъ и засадилъ, да какъ еще засадилъ-то! Ты только послушай!

IV.

Живоначальная Троицы—у насъ праздникъ храмовой, продолжалъ Владиміръ. Было такъ изстари заведено, что прямо отъ обѣдни весь причетъ церковный отпраплялся къ барину, обѣдъ у него давался, всѣ гости съѣзжались. Такъ было и на этотъ разъ. Пируютъ они у барина,—іерей вмѣстѣ съ другими гостями, а дьячки особо въ лакейской, туда къ настоящимъ барямъ ихъ недопускали. Только какъ напились всѣ гости за обѣдомъ, и вздумалось имъ почему-то стихи духовные пѣть, знамо ужъ сила нечистая тутъ подущаетъ, чтобы скверными пьяными устами хулу Богу изрыгать. Позвали дьячковъ и заставили ихъ пѣть, да и сами съпьяна тутъ же во все горло орутъ. Однако на останъ—конецъ спѣлъ имъ дьячекъ стихъ какой-то, и больно полюбился всѣмъ этотъ стихъ, потому дьячекъ этотъ былъ у насъ дивной сладкопѣвецъ, за то самое только его и при храмѣ держали, что пѣлъ хорошо, хотя всѣ знали, что онъ былъ колдунъ. Какъ угодилъ онъ, тутъ и посыпались ему барскіе щедроты въ карманъ; тогда это живо было, только угоди, вдругъ тебя ни за что ни про что деньгами засыплютъ. Полвехонекъ карманъ ему денегъ наклали, а самъ игемонъ и говоритъ: „всѣмъ бы хорошъ у меня дьячекъ, только не во время звонить“.

— „Это точно, отвѣтъ держитъ ему дьячекъ, если правда то, что въ Христовъ великій день звонить не время. Осмѣлюсь, говоритъ, доложить и вашей милости, что у насъ вотъ есть господинъ, всѣмъ бы вышелъ человекъ по принадлежности, да деретъ крѣпко очень не во время“.

— „Ну да ладно, ладно, я давно уже тебѣ простилъ за то, говоритъ ему баринъ и налилъ самъ ему бокалъ вина: на вотъ выпей лучше и забудь!“

— „Велика, говоритъ дьячекъ, ваша милость комнѣ барская, но если ужъ приходится мнѣ топить прошлое въ чарѣ забвенія, то хорошо бы сдѣлать это же самое и вашей милости для маленькаго человека“.

— „Изволь, изволь“, говоритъ баринъ и тотчасъ же налилъ и себѣ другой бокалъ.

— „Ужъ такой высокой милости высокороднаго человека я и не видывалъ никогда, говоритъ опять дьячекъ. А вѣкъ не забуду барской ласки, если позволено будетъ мнѣ, ма-

ленькому человѣку, помѣняться бокаломъ съ его высоко-родіемъ?”

Баринъ и на это согласился, помѣнялись бокалами и выпили вмѣстѣ, онъ выпилъ барскій бокалъ, а баринъ дьячковскій. Какъ хватилъ онъ изъ дьячковаго-то бокала, онъ тутъ же и обжегся очень больно сильно. Крѣпокъ очень показался ему дьячковскій напитокъ. Выпилъ да тутъ же и глаза подъ лобъ закатилъ, а изо-рта-то паръ словно повалилъ и пѣна клубомъ. Говорятъ, какъ еще подносить-то только сталъ онъ ко рту бокалъ, такъ изъ бокала-то словно полымя какое вдругъ вспыхнуло и прямо въ ротъ къ нему, — хамы, что тутъ были въ это время, сами видѣли все это, и опослѣ сами всѣмъ и рассказывали. Однако въ тѣ поры никто ничего такого на дьячка не подумалъ, всѣ думали, что то случилось съ бариномъ отъ перепоя. Ну разумѣется отъ такого случая вся ихъ кампанія живо нарушилась—это соборище нечестивое, всѣ живо разѣхались по своимъ домамъ. А игемонъ въ тотъ же вечеръ совсѣмъ взбѣсился.

—Какъ то есть взбѣсился?

—Такъ, понастоящему, какъ слѣдуетъ. Какъ очнулся онъ отъ своего-то перваго забытья, тутъ и пошелъ свою силу бѣсовскую показывать. Первое дѣло бросился на иконы, началъ бить ихъ, плевать на нихъ и всякимъ манеромъ богохульничать; всѣ иконы перебилъ въ дому, а тутъ и на людей началъ кидаться. И такая силища проявилась у него необыкновенная, что десять человѣкъ не могли съ нимъ справиться. Вотъ какого неугомоннаго засадилъ въ него этотъ самой дивный дьячекъ-то! Самъ опослѣ хвастался передъ міромъ, что самымъ заглавнымъ своимъ слугою пожертвовалъ для такого важнаго господина, самого, говоритъ, Вельзевула засадилъ въ него... Да я такъ понимаю, что не иначе, какъ самъ этотъ князь міра въ него вселился.

—Изъ чего же ты это понимаешь?

—Первое дѣло—огнь изъ бокала. Ну какой же это огнь, какъ не огнь геенскій? А въ огнѣ является только самъ сатана Вельзевулъ, и Спаситель говоритъ, что онъ видѣлъ его яко молнію огненную спадшую съ небесъ. Второе дѣло—сила необычайная. Откуда же бы взяться такой силѣ, если бы не дѣйствовала въ немъ сила сата-

нинская? А Вельзевулъ вѣдь всѣхъ ихъ сильнѣе, потому начальникъ всего ихъ адова царства. Третье дѣло, что ни иконъ и никакой святыни терпѣть съ этого времени не могъ. Какъ посадили его на цѣпь да приковали къ стѣнѣ оковы и путы желѣзными, такъ у него только и занятія было, что плевалъ на иконы. Сидить бывало да плюетъ, а потомъ ругаться, богохульствовать начнетъ да пособачьи лаять, — вотъ лаетъ бывало по собачьи, иида страхъ его! Такъ откуда же бы такая ненависть къ иконамъ, если бы не Вельзевулъ? Вельзевулъ то вѣдь всѣхъ ихъ больше Бога ненавидитъ, потому всѣхъ выше былъ, когда денницей свѣтился на небѣ. — А когда бывало священникъ придетъ съ крестомъ, такъ ужасъ, что онъ дѣлалъ! И плюется, и ругается, и самъ себя терзаетъ, и съ цѣпи рвется, словно адовъ песъ. А больше всего рвется на дьячка. Какъ только завидитъ его, такъ словно бы онъ съѣсть его готовъ. А этотъ дивной только посмѣивается на него да потихонько дразнить издали, какъ и настоящего пса.

— Что же, лѣчили его чѣмъ нибудь, или нѣтъ?

— Какъ не лѣчить, развѣ они оставляютъ безъ лѣченья! Только лѣченьемъ-то этимъ его совсѣмъ ужъ уморили, отъ лекарства такъ и въ адъ пошелъ.

— Какъ же отъ лѣкарства?

— Такова лѣкарства, вишь, дали, что живъ отъ него ужъ не останется, больно хорошо смерти помогаетъ. Дѣло-то тутъ вишь такое садомское сплелось, что жена мужа отравила. А сдѣлалъ это опять тотъ же самый дьячекъ, — вотъ вѣдь какой онъ дивной!

— Именно, что дивной. Какъ же однако онъ это сдѣлалъ? Самъ что ли отравилъ?

— Зачѣмъ же онъ будетъ самъ заниматься этимъ дѣломъ, когда у него слуги есть на то. Онъ только заправлялъ всѣмъ этимъ дѣломъ чрезъ геенскихъ слугъ своихъ, а дѣло-то само собою сдѣлалось, жена ужъ, говорю я тебѣ, мужа-то свою отравила, а какъ это вышло я вотъ тебѣ сейчасъ расскажу.

V.

Какъ запахалъ дьячекъ въ самага-то Грызуна этого адскаго правителя Вельзевулица, тутъ игемонша доктора

выписала, чтобы лечить его. Вот и приехал доктор молодой, из себя видный такой, как Авессаломъ власатый. Изъ контонистовъ, говорятъ, выбился какъ-то въ эти... людейморители и смерти ускорители...

— Что же это ты такъ ихъ величаешь? перебилъ я его.

— А то какъ же ихъ иначе величать то? Въдъ всѣ они Богу противники.

— Почему же противники?

— Потому, что Богъ каждому назначилъ предѣлъ жизни. Онъ все опредѣлилъ для всѣхъ, и время жизни, и время хворости, и время смерти, а они хотятъ воспротивиться этому Божію опредѣленію, лекарствами почнуть поить больного, думаютъ самовольно продлить жизнь человѣку, которому все ужъ напередъ на небѣ давно прописано. Анъ вмѣсто того, поятъ-поятъ лекарствами-то, да и отравятъ; гдѣ бы пожить человѣку еще, какъ ему Богъ опредѣлилъ, а они на тотъ свѣтъ его спроводятъ. Такъ какъ же они не морители-то? Дивной!-А этотъ, что барина-то лечить приехалъ, изъ „пагубы“ тогда только что еще воротился, въ полку, видишь, служилъ, такъ знаю я этихъ пагубныхъ морителей, самъ былъ въ ихъ смертоносныхъ когтяхъ!—Вотъ приехалъ онъ, и поселился въ самомъ барскомъ домѣ, не отлучно, значить, чтобы при бѣшеномъ ему быть. Живетъ онъ въ барскомъ домѣ, а тутъ подъ бокомъ барыня, молодая еще тогда была, изъ себя видная, настоящая Иродіа нечестивая. Мало по малу глядь, анъ и вкралась тутъ содомская зараза...

—Какая такая содомская зараза?

— А та самая, изъ за которой Содомъ Богъ погубилъ, что противъ седьмой-то заповѣди... Тоже и у этой болѣсти есть свой адовъ заправитель, нечестивый князь содомскій. Его то вотъ и подпустилъ тутъ опять этотъ же самый дьячекъ.

—Куда подпустилъ?

— Да туда, куда слѣдуетъ, гдѣ ему и должно быть. Какъ увидѣлъ дьячекъ, что докторъ въ барскомъ домѣ совсѣмъ жить поселился, а Иродіа-плотень человѣкъ и жирище у ней страсть!—тутъ сейчасъ онъ и сообразилъ, что нужно дѣлать. Ну порылся тамъ въ своей-то черной книгѣ, и нашель еще и для нея адову силу, изъ Содома прямо вызвалъ для такого дѣла по своей бѣсовской почтѣ,

да и подружилъ этого гостя содомскаго ей самой Иродіа-то.

—И ей тоже поднесъ?

—Поднесъ, только ужъ не такъ, не на винѣ. Пришелъ, говорятъ, онъ разъ на барскую кухню, а тамъ обѣдъ барямъ готовился, на столъ значить накрывали. Понесла въ это время одна хамка (*) солоницу туда на столъ, а дьячекъ остановилъ ее да и говоритъ: „Что у тебя солоница-то въ пыли, дай-ко я ее одуну!“ Дунулъ онъ на эту солоницу, а самъ повернулся и вонъ пошелъ. Тутъ-то никому не въ домекъ было, что это такое онъ подстроилъ, анъ вскорѣ оказалось, какого духа онъ въ соль-то подпустилъ. Какъ покушала Иродіа за обѣдомъ этой солцы, и вспылала она содомскою страстью къ этому самому дохтуру.

—И скоро все это сдѣлалось?

—Да тутъ же въ эти же самые дни все это и объявилось, потому жирище у ней — страсть!—а человѣкъ она плотъ, грѣха этого не помнить...

—Срачицу ей не нужно бы было надѣвать, такъ можетъ быть и вспомнила бы, какъ ты давеча говорилъ, откуда пала, и покаяніе нашло бы!...

Тутъ и срачицы оставленіе не помогло бы, какъ этотъ князь содомскій ею завладѣлъ. Сей родъ лукавый изгоняется только молитвою и постомъ, а объ этомъ они всѣ и забыли думать не отъ чего же жиръ-то бѣсится! Дѣло дошло у нихъ до того, что ужъ жить она безъ него не могла, требовала, чтобы онъ не отлучно состоялъ при ней. Какъ только уѣдетъ онъ куда нибудь, на нее бѣшенство найдетъ, всѣхъ своихъ хамовъ перепоретъ, передеретъ, а потомъ соберется и сама укатитъ искать его. Такъ и жили они съ годъ въ такомъ сожитіи содомскомъ, и вольно имъ было: самъ-то грызунъ на цѣпи барбосомъ на Бога лаесть, а она тамоди по своему.—Только ужъ надоѣла что ли она ему, и сталъ онъ скучать отъ нее, сталъ чаще уѣзжать изъ дому, а она ревновать стала его. Разъ они разругались, въ сердцахъ то онъ ей и скажи: „съ

(*) Служанка.

коей-де стати ты меня ревнуешь? Вѣдь я тебѣ не мужъ, мужъ то твой на цѣпи сидитъ. Вотъ другое дѣло, если бы я на тебѣ женился, ну тогда ревнуй пожалуй!“ Эти слова она и забрала крѣпко себѣ въ голову, и стала думать, какъ бы ей своего барбоса съ рукъ сбыть? Ну а какъ задумала она такую думу, такъ дьяволъ-то смысленъ, онъ живо придумаетъ, что тутъ нужно сдѣлать, и на-те учишь. А ей и ходить за нимъ далеко не нужно было, онъ ужъ тутъ сидѣлъ въ ней да нашептывалъ свои адскіе совѣты. Не долго думая, взяла она да и отравила своего мужа, въ питье, говорятъ, поднесла ему этой отравы.

— Сама?

— Знамо чай сама, кому же больше другому тоже не довѣрить такого дѣла, а можетъ статься и этотъ самый содомскій другъ ея ей помогать, не безъ него тоже и отравы-то поди достала. Такимъ-то вотъ манеромъ и сгибъ этотъ нашъ послѣдній игемонъ-міроѣдъ. А Вельзевулъ все таки вылетѣлъ изъ него, говорятъ, какъ умирать онъ сталъ.

— Почему же это знаютъ?

— Видѣли, говорятъ, тутошніе хамы, какъ онъ выско-чилъ изъ него, полымемъ опять. Вдругъ, говорятъ, словно полымя у него изъ горла-то пыхнуло, какъ послѣдній разъ вздохнулъ, а потомъ смородомъ запахло.

— И начальство не узнало, что его отравили?

— Да узнай тутъ начальство! Другъ-то ея докторъ ска-залъ, что умеръ съ сумашествія, потому и могила его въ оградѣ церковной, что не узнали того, что онъ отравленъ, на кладбищѣ тоже похранили... Долго потомъ Вельзевулъ навѣщалъ его могилу, видали многіе...

— Какъ же это его видали?

— Вдругъ ночью, говорятъ, зажжется огнемъ на его могилѣ, зажжется и потомъ въ землю уходитъ, — знай что это онъ, все также въ огненномъ видѣ ниспадаетъ...

— Зачѣмъ же онъ навѣщалъ его могилу?

— А для того, чтобы и въ могилѣ его мучить. Такимъ людямъ и въ могилѣ они покоя не даютъ, потому они сами были мучители. Выведетъ его сатана ночью изъ могилы, въ коня претворитъ и начнетъ ѣздить на немъ по всей землѣ для своей потѣхи. Вотъ, говорятъ, гонить,

вотъ гонить и мчится на немъ во весь духъ, а самъ все бьетъ его крючьями желѣзными да щипцами раскаленными... Измучить до нельзя, а потомъ опять пхнетъ его въ могилу мертвымъ человѣчьимъ трупомъ. Не разъ видали наши мужики какъ сатана на немъ катался. Идетъ разъ мужичекъ ночью въ самую полночь по дорогѣ и видитъ, что на встрѣчу ему кто-то ѣдетъ, вотъ мчится, вотъ несется во весь духъ! Только лишь онъ поровнялся, кучеръ вдругъ останавливаетъ лошадь да и говоритъ ему: ей, братъ, поправь-ко не много узду на конѣ. Онъ подошелъ, приподнялъ ей гриву спереди, — грива большая говоритъ, черная, — да какъ взглянулъ ей въ морду анъ вмѣсто морды лошадиной видитъ человѣчье лицо, и лицо-то это какъ есть говоритъ, нашего барина. Онъ такъ и обомлѣлъ тутъ на мѣстѣ, а лошадь въ это время и съ сѣдокомъ пропала, дальше ускакала надо полагать.

VI.

Наступали уже глубокіе сумерки, по землѣ давно распростерся густой вечерній мракъ, сквозь таинственную завѣсу котораго едва можно было видѣть только темныя фигуры окружающихъ предметовъ и съ трудомъ различать ихъ неопредѣленныя очертанія. Передъ нами прямо возвышался на холмѣ одинокій барскій домъ, который подъ прикрытіемъ этого мрака представлялся еще болѣе таинственнымъ, болѣе угрюмымъ и безпривѣтливымъ. Невольно пришло мнѣ на память сравненіе его съ тѣми заолдованными замками сказокъ съ очарованными въ нихъ людьми, которые такъ увлекаютъ и такъ пугаютъ игривое воображеніе дѣтства. И однакоже все слышанное мною было было, и было такъ еще недавно минувшая, но теперь она превратилась уже въ легенду, еще живую, со многими уцѣлѣвшими бытовыми ея памятниками, но которая въ настоящее время пугаетъ только воображеніе людей, не испытавшихъ на себѣ тѣхъ тяжелыхъ основъ и условій, на которыхъ сложилась эта легенда. А было время, когда страхъ этотъ внушала и горькая непредѣлительная дѣйствительность, когда все это совершалось во очію и наяву у всѣхъ. И есть много такихъ мѣстъ, которыя отмѣтила

народная молва, какъ орону подобнаго рода страшныхъ событій и произшествій времени крѣпостнаго быта. И долго еще будетъ трепетать и набожно открещиваться поселянинъ, приближаясь къ такимъ мѣстамъ во время ночи, и заботливо будетъ обходить ихъ, если только представляется къ тому возможность.

Вдругъ въ это время на кровлѣ барскаго дома прокричала сова, и ея печальный крикъ унылымъ эхомъ отразился въ ночномъ воздухѣ и разнесся по мертвой окрестности.

— Вотъ она — душа-то невинная томится, заговорилъ снова Владиміръ. Ты думаешь, кто это кричитъ?

— Конечно сова, отвѣчалъ я знакомый съ крикомъ совы.

— Какъ же ли бы не сова! Нѣтъ, это Грызунята злополучные кричатъ.

— Какіе Грызунята?

— А младенцы убіенные, что послѣ самого-то Грызуна было остались... Ты думаешь, сова-то что такое? Вѣдь она получеловѣкъ, въ ней душа человѣчья, младенческая. Какъ сейчасъ умираетъ младенецъ не крещеный, такъ его душу Богъ въ сову переселяетъ, если она душа женская, а если мужская, то въ филина, отъ того-то они такъ жалобно и кричатъ, словно младенцы стонутъ. А тутъ вотъ Богъ души Грызунятъ въ совѣ переселилъ за злодѣйства ихъ отцовъ, а можетъ быть и потому, что безъ погребеній они зарыты были въ землю...

— Какъ же могло это случиться?

— Да такъ, ужъ какъ повлялся этотъ дьячекъ, что истребить весь родъ Грызуновъ, такъ оно и случилось. Вѣдь стоитъ только забраться этой адовой силѣ въ какой домъ, она пойдетъ распоряжаться, все сдѣлаетъ по своему. А тутъ ужъ силу значить забрала въ этомъ домѣ сила нечистая, оборони Богъ!

— Надъ кѣмъ же она забрала силу?

— Да надъ всѣми, всѣхъ она тутъ сковала своими адскими цѣпями, а Иродію-то саму и наипаче всѣхъ. Вотъ какъ прибрала она своего мужа къ хорошему мѣсту въ аду преисподнемъ, тутъ и почувяла себя совсѣмъ уже свободной. И стала она приставать къ своему-то незаконному сожителю, чтобы онъ на ней женился. Тотъ сначала

все молчалъ, прямо отказаться не хотѣлъ, потому не совѣмъ еще обобралъ ее, такъ нужно было добрать, что оставалось. А какъ стала она ужъ больно надоѣдать ему этимъ самымъ приставаніемъ, онъ разъ и скажи ей: „я бы-де женился на тебѣ, да у тебя ребята есть отъ того мужа, они вѣдь мнѣ будутъ ужъ чужіе, такъ этого я не-хочу“. А у ней, вишь, отъ Грызуна-то того отравленнаго остались два подгрызка, — двѣ отроковицы малыя... Христось ужъ съ ними, грѣхъ на нихъ сердиться-то, онъ теперь вѣдь мученицы, даромъ что роду такого! Вотъ какъ услышала она отъ своего сожителя такое ласковое слово, и на-думала тутъ ужъ новую думу геенскую: разъ отвернулся онъ куда-то дня на три, она возми безъ него да и запри обоихъ дѣточекъ въ пустой гардеробъ въ самомъ даль-немъ глухомъ покоѣ, и покой этотъ тоже заперла, а ха-мамъ своимъ запретила подходить даже къ этому покою. Голодомъ, вишь, уморить ихъ порѣшила, вотъ дочего ей голову-то помutilа сила содомская! Засадила она ихъ жи-выхъ въ эту могилу, ну а они хоть малы-малы все-таки почали кричать, какъ голодъ-то ихъ пропалъ, сначала все кричали, говорятъ, а потомъ, какъ отоцали очень сильно, стоны подняли, начали уже стонать.

— Чай слышно было, какъ онъ кричали-то?

— Ну какъ же не слышно! Знамо хамы-то все это слышали и про все это знали; хоть и далеко она ихъ засадила, а все таки чуть было, какъ они кричали тамъ и стонали въ своей могилѣ.

— И никто имъ не помогъ?

— Да какъ ты имъ поможешь, когда всѣ покои эти были заперты?

— Ну начальству донесли бы?

— Донести-то вотъ никто изъ хамовъ не посмѣлъ, потому всякъ за себя боялся, зналъ, что если онъ донесетъ, такъ самъ смерти не минуетъ. Постонали онъ въ этомъ гардеробѣ дня съ три, а на четвертый и душу Богу отдали.

— Умерли?

— Ну вѣдь не духомъ же имъ тамъ питаться. Голодъ тоже не свой братъ, онъ сразу животъ подведетъ! Только и на него на этотъ разъ она не угодила этой своей материнскою добродѣтелью. Какъ пріѣхалъ онъ, вернулся

изъ своей поѣздки на четвертые тоже, никакъ, сутки, анъ ужъ дѣло-то было все порѣшено. Ужасъ напалъ на него. какъ узналъ онъ про все это дѣло отъ хамовъ, даромъ что самъ-то кажись былъ тоже моритель не послѣдній, а тутъ оробѣлъ, ужаснулся предъ такою адскою услугой своей Проди. Въ тотъ же день, какъ пріѣхалъ, собрался опять живой рукой, захватилъ свои пожитки да и удраля прямо въ Питеръ, говорятъ, въ свой-то городъ ужъ не поѣхалъ, потому поопасся, что въ городѣ она его отыщетъ, а уѣхалъ онъ отъ нея тайкомъ, никому даже не сказавшись.

— Какъ же такъ тайкомъ? Вѣдь она его, поди, хватилась?

— Въ тотъ же день хватилась да ужъ поздно. Всю дворню свою перетерзала-за то, что ей во время не сказали, ужъ какъ тогда она своихъ хамовъ ни терзала, одного до смерти замучила на пыткѣ, все добивалась, куда онъ уѣхалъ; а вѣдь онъ никому не сказалъ, куда уѣхалъ, опослѣ только ужъ къ вечеру провѣдали, что въ Питеръ онъ махнулъ, кучеръ, вишь, воротился, что возилъ его на станцію, онъ и рассказалъ, куда поѣхалъ баринъ. Дождалась она ночи, чтобы припрятать куда нибудь къ мѣсту мертвыхъ младенцевъ, потому нужно же было ихъ скрыть куда нибудь, оставить такъ нельзя, а ночью тайкомъ вытащила ихъ изъ гардероба, призвала своего вѣрнаго хама и велѣла ему тайкомъ, потихоньку отъ всѣхъ, зарыть ихъ мученическія тѣлеса въ подвалъ въ землю. Похранять-то забоялась тоже, чтобы не узнали, что она ихъ уморила. Вотъ какъ обдѣлала она это дѣло, оплакала, какъ Рахиль, своихъ милыхъ дѣточекъ да похранила ихъ съ почетомъ, въ ту же ночь и сама укатила въ Питеръ въ погоню за своимъ женихомъ; собралась тоже тайкомъ ото всей дворни, что бы никто не видалъ, что она уѣхала одна, только горничной своей велѣла говорить, что дѣтей своихъ она взяла съ собою въ Питеръ, — тоже обмануть видишь хотѣла, да развѣ дворню-то обманешь, когда всѣ ужъ про то знали!

— Значить дѣло-то раскрылось?

— Раскрылось, да ужъ поздно. Вотъ какъ уѣхала она въ Питеръ тутъ на всѣхъ ея хамовъ страхъ напалъ та-

кой, что вся дворня разбѣжалась. Страшно было оставаться въ такомъ домѣ, всё стоны да жалобные крики слышались вездѣ. А разбѣжалась дворня, и пошли отъ нея ужъ слухи по всей вотчинѣ, вездѣ стали говорить про это дѣло. Въ скоромъ времени и сама барыня прѣхала; порыскала-порыскала она по Питеру-то, да не нашла, кого искала, его и слѣдъ простылъ, такъ и воротилась ни съ чѣмъ; а про дѣтей почала благовѣстить, что въ Питерѣ-де ихъ оставила у родни своей. Придумала-то она было хитро, да Богъ-то, вишь, премудрѣ ея: дѣло ужъ до начальства дошло, наши же вотчинные, говорятъ, и донесли тайкомъ про это дѣло ея материнской любви къ дѣтямъ по начальству. Глядимъ, чрезъ нѣсколько времени судъ наѣхалъ,—и пошло тутъ судбище великое. Все раскрылось, всю подпоготвную судьи раскопали, всѣ косточки мучениковъ убіенныхъ розыскались. Здѣшніе-то судьи ужъ не смогли съ этимъ дѣломъ справиться, такъ присланы были судьи изъ столицы, цѣлая ихъ комисія тогда наѣхала, и то дѣло-то близь двухъ годовъ тянулось.

— Отъ чего же такъ долго?

— А отъ того тянулось оно долго, что не могли никакъ судьи розыскать, гдѣ зарыты были эти два младенца.

— А развѣ изъ дворни то никто не зналъ, гдѣ они были зарыты?

— Надо полагать, что никто не зналъ, а можетъ быть и знали да боялись барыни открыть это мѣсто. Тотъ-то, вишь, ея вѣрный хамъ, что зарывалъ ихъ который, убѣжалъ со страху, въ бѣги вдался, какъ почувалъ, что дѣло-то это пошло на чистую, другіе хамы и подливно можетъ быть не знали, потому зарывалъ-то онъ ихъ одинъ тайкомъ, а сама-то она Иродія запиралась, твердила все одно, что у родни своихъ дѣтей оставила, этимъ самымъ и тянула дѣло. Скажетъ, что у сродственниковъ въ Питерѣ оставила,—судъ сей часъ туда гонца, чтебы отыскать такихъ сродственниковъ и привезти сюда ея дѣтей. Не найдутъ ихъ тамъ, она сейчасъ другое объявляетъ, что сродственники ея въ другой ужъ городъ перѣехали, ну и туда опять гонца, такъ дѣло и тянулось. Наконецъ ужъ судьи по вечерамъ стали ходить переодѣтыми въ крестьянскую одежду, да подъ окнами у мужиковъ под-

слушивать, не говорится ли гдѣ чего про этихъ младенцевъ. Разъ какимъ-то манеромъ и попали на слѣдъ, услышали въ одной избѣ разговоръ, что зарыты-де они въ подвалѣ. Стали сейчасъ землю рыть въ подвалѣ, тутъ-то и нашли ихъ сердечныхъ, а они ужъ всѣ истлѣли, потому и зарыты были прямо въ землю безъ гробовъ.

— Чѣмъ же дѣло кончилось?

— До царя тогда это дѣло доходило, и царь порѣшилъ своею великою милостью, чтобы въ двадцать четыре часа отобрать у ней всю вотчину а ее въ Сибирь на каторгу сослать.

— Угодила значить всё таки?

— Нѣтъ, въ каторгу-то не угодила. Какъ прочитали ей судьи это царское рѣшеніе, она тутъ же съ ума сошла, а черезъ нѣсколько дней и душу свою содомскую аду отдала. Видно Богъ не пустилъ ей, что бы каторжной маятой грѣхи свои очищала, и этого, стало быть, даже не заслужила своими адскими дѣлами.

Такъ вотъ вѣдь онъ какой домъ-то, вотъ откуда въ немъ эти совы завелись! — заключилъ Владиміръ свой рассказъ. — А теперь и жить-то въ немъ нельзя, потому сила нечистая воюетъ. Подпустилъ надо полагать, этотъ дивный и въ самый домъ силу нечистую.

— Что же, и слыхалъ ктонибудь, какъ она тамъ воюетъ?

— Не токма что слыхать, а своими глазами видѣлъ самъ баринъ молодой, — этотъ новый нашъ игемонъ, что поселился было къ намъ.

— Развѣ еще баринъ остался? А ты говорилъ, что искоренилъ дьячекъ весь барскій родъ?

— Это ужъ не въ почти роду, какой-то въ дальнемъ колѣнѣ. Да и жилъ-то онъ тутъ не долго, живо выжили его эти адскіе стратеги — воеводы...

Тутъ Владиміръ снова заволновался, затрепеталъ и пришелъ въ восторженный экстазъ: слава тебѣ Господи! — проговорилъ онъ, воздѣвъ руки къ небу и потомъ хлопая ими по бедрамъ и подпрыгивая всѣмъ тѣломъ: — избавились мы теперь навсегда отъ этой пагубы! И души-то я въ себѣ не чую, какъ подумаю, что нѣтъ теперь у насъ больше этихъ игемоновъ, людскихъ міроѣдовъ!

VII.

—Такъ какъ же выжили адскіе-то стратеги барина изъ дома? спросилъ я, когда Владиміръ успокоился.

—Безъ меня ужъ это дѣло было, я тогда въ военной службѣ былъ; матушка покойница мнѣ опосля ужъ рассказывала, да и всѣ на селѣ хорошо знаютъ про это, потому у всѣхъ на глазахъ дѣло это совершилось. Когда порушился, вишь, весь этотъ Грызуновскій родъ, имѣніе-то,—притонъ-то этотъ адскій,—въ опеку сначала отобрали, а потомъ и выискался какой-то дальній сродственникъ въ десятомъ колѣнѣ, за нимъ его и утвердили. Этотъ новый былъ изъ молодыхъ, да знать и не изъ богатыхъ, жить-то, видно, ему негдѣ было, онъ къ намъ и переѣхалъ въ этотъ домъ. Только на первую же ночь ему сильно не показалось въ этомъ домѣ. Вдругъ, говорятъ, въ самую полночь разстворяются всѣ двери, заиграла не вѣсть гдѣ заунывная музыка, и несутъ въ одни двери невидимыя силы дорогой бархатомъ обитый гробъ. Гробъ самъ собой остановился посрединѣ дома, и вдругъ подымается и встаетъ изъ гроба самъ умершій отъ отравы баринъ Григорій Николаевичъ. Какъ только онъ всталъ изъ гроба, тутъ и ползли со всѣхъ сторонъ въ домъ мертвецы, вотъ лѣзутъ во всѣ двери во всѣ окна, блѣдные, страшные, но всѣ нарядные, разодѣтые по праздничному и наполнили весь домъ. Лишь только собрались они и началась тутъ у нихъ пляска; молча они двигаются и пляшутъ по всему дому, по всѣмъ барскимъ покоямъ. Долго лежалъ онъ закрывшись одѣяломъ и уткнувшись лицомъ въ подушку, боясь выглянуть изъ подъ одѣяла, а какъ выглянулъ разъ, то и увидалъ, что летучія мыши пьютъ изъ мертвецовъ кровь, черныя вороны клюютъ имъ глаза. До самыхъ пѣтуховъ продолжалась эта пляска, а какъ только пропѣли третьи пѣтухи, вдругъ все исчезло и замолкло во всемъ домѣ. До самаго утра промучился баринъ полуживой отъ страха, не смѣя встать съ своей постели, а какъ только всталъ по утру, тотчасъ же послалъ за іереемъ, чтобы отслужить водосвятъ на дому.

— Ну чтожъ, и лучше стало послѣ водосвятія?

— Какое лучше, недали и водосвятья-то отслужить силы нечистыя! Вишь онѣ какъ крѣпко тутъ засѣли.

— Какъ же онѣ не дали?

— Выгнали всѣхъ святыхъ вонъ, поднялся стукъ по всему дому, и полетѣли не вѣсть откуда камни, кирпичи, полѣнья, — и все къ тому мѣсту, гдѣ совершалось водосвятіе. Ну всѣ и разбѣжались отъ такого страха. Вотъ вѣдь чудеса какія!

— И подлинно, что чудеса. Что же это такое?

— Что! Знамо сила адова воюетъ, засадилъ значить и въ самой домъ-то этихъ геенскихъ хозяевъ, вотъ они теперь тутъ и распоряжаются, собираютъ къ себѣ на ночныя потѣхи всѣхъ тѣхъ гостей, которые прежде съ самимъ игемономъ пировали, да и его самого туда приносятъ, ну и потѣшаютъ они и мертвые-то адову силу въ своей бѣсовской пляскѣ, какъ потѣшали они этой пляской ее живые. Только теперь имъ эта пляска ужъ не въ потѣху, а въ мученіе одно, мучатся они только этой пляской. — Такъ вотъ онъ каковъ былъ этотъ самый дьячекъ-то дивный! Сколько онъ дѣлъ натворилъ! Силенъ былъ нечего сказать, этою адовою силою. Говорятъ, что когда онъ умеръ, такъ нашли послѣ него эту самую черную книгу, по которой онъ дѣла свои колдовскія велъ. Развернулъ кто-то эту книгу, чтобы посмотреть, что тутъ написано, и вдругъ предстала предъ нимъ цѣлая тьма этихъ адовыхъ слугакъ, страшные, мохнатые, съ когтями и рогами, ну однимъ словомъ такіе, какими и должно имъ быть, самые настоящіе. Такъ ужъ онъ не зналъ, что ему и дѣлать, съ ума было сошелъ, да догадался скоро, — закрылъ книгу опять, они всѣ и пропали. Вотъ вѣдь они какъ колдуютъ-то по этимъ книгамъ. Какъ только разогнетъ ее, такъ и являются всѣ его слугаки, ну онъ и распоряжается ими, и посылаетъ ихъ, куда хочетъ.

— Такъ куда же девали эту книгу?

— Въ землю говорятъ, куда-то зарыли. Бросили было сначала-то въ огонь, она въ огнѣ не горитъ, такъ взяли да въ землю и зарыли.

— Ну а баринъ-то что же, — куда послѣ того дѣвался?

—А кто его знаетъ, куда онъ дѣлся! Помучился, помучился, да все таки не справился, сила бѣсовская выжила его изъ дома. Бросилъ, говорятъ, все да и уѣхалъ куда-то. Съ тѣхъ поръ и стоитъ этотъ домъ совсѣмъ пустой, одни только бѣсы, воюють въ немъ по ночамъ.

СПОРЫНЬЯ (*)

Только три души согрѣшили:
Какъ и первая душа согрѣшила
Во чревѣ младенца проклинала,
А другая душа согрѣшила
Златъ вѣнецъ разлучила,
А третья душа согрѣшила
Изъ хлѣба спорину вынимала,
И тѣмъ душамъ нѣтъ прощенья,
Никакого имъ покоенья.

(Изъ духовнаго нищенскаго стиха)

I.

Ясное июльское солнце только что еще выглянуло изъ за горизонта и освѣтило своимъ пурпуровымъ свѣтомъ небольшую деревню Осиновку, съ ея скошенными лугами и пожелтѣвшими полями спѣлой ржи, какъ уже жители этой деревни давно были почти всѣ на ногахъ и спѣшили управиться съ необходимыми домашними дѣлами, торопясь отправиться въ поле на работу. Да и какъ было имъ не торопиться! Ильинъ день уже прошелъ, а съ Ильина дня даже самые неуправные крестьяне принимаются за жнитво ржи, которая въ противномъ случаѣ будетъ высыпаться. Раньше всѣхъ другихъ еще до зари встала и тетка Христина, одна изъ скромныхъ обитательницъ этой деревушки.

(*) Тоже самое, что и „заломъ“ въ другихъ мѣстахъ, и „вынуть изъ хлѣба спорынью“ тоже, что и сдѣлать заломъ.

Тетва Христина, женщина лѣтъ около тридцати, въ настоящее время была въ полномъ смыслѣ одинока. Мужъ ея, мущина такихъ же лѣтъ, въ лѣтнее время не жилъ дома, а уходилъ на чужую сторону на заработки и только въ началѣ осени возвращался домой. Поэтому все домашнее хозяйство и всѣ полевые работы лежали на одной Христинѣ, и она, какъ баба ловкая и расторопная, выполняла ихъ съ такою исправностію, что ни въ чемъ не отставала отъ другихъ. Сама она, и при томъ одна, пахала и сѣяла, сама косила и жала, однимъ словомъ выполняла все то, что въ крестьянскомъ быту выполняется обыкновенно цѣлою семьею. Поэтому не удивительно, что она вставала раньше всѣхъ другихъ, еще до зари, какъ встала и теперь. „Прокуривши“ печку, отдоивши корову и накормивши куръ, она тотчасъ отправилась въ поле. Бодро шла она среди широкаго раздолья слегка колеблющейся ржи, отрадно и весело было ей смотрѣть на эту высокую спѣлую рожь, на эти большіе желтые колосья, полные спѣлыхъ тучныхъ зеренъ. „Слава Богу, думаетъ она, урожай новѣ Богъ послалъ хорошій“, и одна эта мысль пробуждаетъ въ ней цѣлую кучу надеждъ и вызываетъ множество проектовъ, и все одинъ другаго радужнѣе, одинъ другаго веселѣе. Но лишь только подошла она къ своей полосѣ, которую порѣшила зажинать первую, какъ глазамъ ея представилось нѣчто ужасное, отъ чего она только ахнула и всплеснула руками. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ края полосы рожь была примята и посрединѣ стояло нѣкоторое подобіе куклы, сдѣланное изъ той же самой ржи, а сдѣлано оно было такъ: рожь на корню собрана была въ особый пукъ, или небольшой снопокъ, колосья котораго загнуты были къ низу во внутрь этого пука и перехвачены соломеннымъ поясомъ, отъ чего изъ нихъ образовалось нѣкоторое подобіе головы, нижняя же часть этой связки изображала собою туловище. Нѣсколько времени простояла Христина молча, испуганно смотря на эту куклу и какъ будто бы не довѣряя своимъ собственнымъ глазамъ.

—Тетя Марѳа! закричала наконецъ она женщинѣ, которая жала по сосѣдству недалеко отъ ея полосы.

—Что ты, Христина? отозвалась та.

—Подь — ка сюда! А ты поди скорѣе!

Тетка Марѳа бросила жнитво и подошла къ ея полосѣ:

—Ну что ты? спросила она.

—Посмотри-ка, бѣда какая случилась, а ты взглянь только! указывала ей Христина на куклу.

Тетка Марѳа, какъ только взглянула по указанному ей направленію, тотчасъ же ахнула и всплеснула руками не хуже самой Христины.

—Ахъ лиходѣи!.. Кукла, видимое дѣло кукла!.. Спорину вынули изъ хлѣбушка... проговорила она, качая головою.

—Такъ что же теперь?...

—Ну что? Знамо что! Быть бѣдѣ, ужъ бѣды тутъ не минешь. Не знаю, на кого только и подумать!.. Давно у насъ это самое перевелось было, вотъ ужъ сколько времени не чуть было!

—Не знаю, тетя, на кого подумать, никому, кажись, я зла не сдѣлала.

—Эко, родимая, ты думаешь, что все по злу людямъ лихо дѣлаютъ! Другой по зависти, али и изъ-за другога чего такое дѣло сдѣлаетъ. Ужъ не убережешься, какъ лиходѣй гдѣ заведется.

Къ разговаривающимъ такимъ образомъ женщинамъ подошло въ это время нѣсколько другихъ женщинъ, которыя, проходя на свои полосы, по пути останавливались и качали головами.

—Ты вотъ что, Христина, припомни-ка хорошенько, не приходилъ ли къ тебѣ кто на этихъ дняхъ попросить чегонибудь въ займы? обратилась къ Христинѣ одна изъ подошедшихъ женщинъ.

—А кто е знаетъ, можетъ быть, и приходилъ кто, да развѣ всего-то упомнишь? Какъ не думаешь да не гадаешь никакой бѣды, такъ тебѣ и не въ домекъ запоминать, кто за чѣмъ приходитъ.

—То-то вотъ оно наша-то не смѣтка! А то ужъ это вѣрная примѣта узнать лиходѣя: какъ сейчасъ завѣтъ онъ эту куклу, въ тотъ же день непременно и придетъ къ тебѣ, чтобы выпросить чегонибудь въ займы.

—Придетъ?

—Непремѣнно придетъ, безъ этаго не обойдется, чтобы не выпросить чего, ужъ чтонибудь да выпроситъ! Изъ

своихъ рукъ, вишь, тогда отдашь ты ему эту самую спорину.

— Эки злодѣи! Эки злодѣи! качая головою, какъ бы въ раздумьи говорила въ это время другая женщина. И какъ только они дѣлають это, посмотрѣль бы!

— Сдѣлать-то не мудрено такую куклу, это и изъ насъ всякая сдѣлаетъ, да толку-то не будетъ въ нашей стряпнѣ, отвѣчала тетка Марѳа.

— Какой ужъ въ насъ толкъ, что объ этомъ говорить! Только они-то какъ же дѣлають? продолжала первая.

— Знамо ужъ не спроста, заклатье какое нибудь у нихъ есть, вставила другая женщина.

— Заклатье-то заклатьемъ; да тутъ ужъ не одно заклатье! Ты вотъ видишь эту самую голову-то: что ты думаешь она такое—эта голова-то? Что въ ней теперь находится? спросила таже Марѳа.

— Змѣю, говорятъ, сажаютъ они въ голову-то, а то жабу...

— Змѣя-то еще ничего бы, змѣю можно и убить! Нѣтъ тутъ поважнѣе еще есть змѣи-то...

— Что же тутъ еще?

— А вотъ возьми-ка, сожни эту куклу, такъ и узнаешь что! Вѣдь тутъ самъ нечистый теперь засаженъ, вотъ оно какое дѣло-то! Какъ сейчасъ сожнешь ты эту куклу, такъ онъ въ тебя и перейдетъ, завѣряла тетка Марѳа.

— Да вѣдь это, тетя Марѳа, говорятъ, на кого посаженъ,—замѣтила другая женщина.

— Ужъ на кого посаженъ, такъ про того не чего и говорить, того онъ изведетъ, да и тебѣ-то, если ты сожнешь, или даже дотронешься, не легко тоже обойдется.

— Ну такъ что же мнѣ теперь дѣлать?—Снова взвыла Христина.

— Что дѣлать-то! Возьми да обожни съ молитвой, а куклу эту не тронь,—посоветовала одна женщина.

— Да, поди-ка обожни! Прытка больно!—возразила снова болѣе опытная въ такихъ случаяхъ тетка Марѳа. Вѣдь колдунъ-то чертой обвелъ всю полосу, такъ теперь ужъ вся полоса эта не чистая, а котораго онъ посадилъ, по всей полосѣ теперь гуляетъ. Станешь ты жать, тогда онъ изъ куклы въ другое мѣсто перейдетъ, во всякое зернышко можетъ поселиться, а ужъ того достанетъ, на кого посаженъ.

— Стало быть и хлѣбъ этотъ не годится?

— Знамо хлѣбъ этотъ въ прокъ ужъ не пойдетъ. Скотинѣ такъ и той онъ не здоровъ; говорятъ весь скотъ переведется, какъ такимъ хлѣбомъ ты его накормишь.

— Такъ куда же его дѣть?

— На базаръ вези скорѣе продавать, какъ сейчасъ сожнешь да измолотишь эту полосу, такъ скорѣе на базаръ. Да и въ продажѣ-то, говорятъ, толку въ немъ мало, — вѣсу, вишь нѣтъ никакова.

— Такъ ужъ лучше бросить, Христина, всю полосу, когда такое дѣло, высказала свое мнѣніе одна женщина: изъ-за чего же тутъ биться, когда въ ней нѣтъ никакого проку?

— И бросишь, такъ не легче будетъ! — возразила на это тетка Марѳа. Какъ оставишь ее тутъ въ покоѣ, силу-то нечистую, такъ она все ужъ изведетъ того, на кого посажена, гдѣ вибудь да ужъ его достанетъ. Надо, вишь, мѣсто то самое очистить, силу-то эту нечистую прогнать.

— Прогнать? Какъ же ты ее прогонишь?

— Безъ колдуна, знамо, гдѣ же ее прогнать! Колдунъ только и сможетъ дѣло это раздѣлать. А до него ужъ лучше не тронь.

— Гдѣ же мнѣ колдуна-то найти? — спросила Христина.

— Къ Савелью Одронежскому сходи, посовѣтовали нѣсколько бабъ въ одинъ голосъ: всѣхъ лучше, говорятъ, дѣла эти раздѣлываетъ.

— Такъ на томъ бабы и порѣшили, что бы шла Христина за Савельемъ Одронежскимъ и вела его сюда раздѣлывать дѣла.

II.

Около полудня явился и Савелій изъ Одронежа. Это былъ старичекъ небольшого роста и весь сѣдой, какъ лунь. Въ наружности его не было ничего страшнаго, что обыкновенно отличаетъ колдуновъ, но говорятъ, что въ молодости своей онъ былъ опаснымъ колдуномъ, хотя теперь, при старости лѣтъ, и бросилъ колдовство, занимаясь только отколдовываніемъ. Съ его появленіемъ всѣ бабы, находившіяся въ полѣ, бросили свои работы и по-

спѣшили къ мѣсту дѣйствія, со страхомъ и молча ожидая имѣющихъ совершиться событій.

— О-го! глухо проворчалъ старикъ, посмотрѣвъ на торчавшую во ржи куклу. Да тутъ и больно хитро засажень, опытный человѣкъ сажалъ, — и старикъ въ раздумьи покачалъ головою. — Принесите-ка мнѣ шесть али жердь подлиннѣе, я попробую, — обратился онъ къ толпѣ.

Принесли длинную жердь. Старикъ взялъ ее за одинъ конецъ, а другимъ издали ударилъ нѣсколько разъ по головѣ куклу.

Дѣлать нечего, надо начинать, — проговорилъ онъ затѣмъ, бросивши жердь. Давай, бабы, обжинай рожь кругомъ куклы! — снова обратился онъ къ бабамъ.

Бабы, какъ и слѣдовало ожидать, не двигались съ мѣста.

— Ну что же вы стоите? Аль глазѣтъ только пришли сюда! Эй ты, хозяйка, начинай!

— Боюсь, дѣдушка Савелій, я и подойти-то близко боюсь, отвѣчала Христина.

— Эхъ ты, разумница! Чего при мнѣ бояться-то? Ужъ коли я здѣсь, такъ бояться нечего. Дай-ка сюда серпъ.

Старикъ взялъ у Христины серпъ и самъ началъ жать рожь около куклы.

— На вотъ жни теперь, не бойся, а у меня за тебя жать-то спина болитъ! — снова возвратилъ онъ серпъ Христинѣ, пожавъ немного. Христина со страхомъ подошла къ зажатому мѣсту и стала продолжать начатое, искоса посматривая на куклу. Наконецъ рожь кругомъ куклы была выжата, такъ что около нея образовался свободный проходъ. Тогда старикъ вошелъ въ этотъ кругъ и началъ ходить вокругъ куклы, нашептывая и бормоча про себя какія-то таинственныя слова. Сначала онъ пошелъ медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, такъ что подъ конецъ хожденіе превратилось въ настоящій бѣгъ.

— Заклятье вишь начитываетъ, — шептались въ толпѣ бабы.

— А то какъ же! Безъ заклатья тутъ вичего не подѣлаешь, и не подойдешь къ ней.

— А ты глянь-ка! Вотъ страсти-то! — въ одинъ голосъ пронеслося вдругъ въ толпѣ. И дѣйствительно, наступилъ

самый важный моментъ во всей этой операціи, потому что старикъ въ это время остановился передъ куклой и, продолжая нашептывать свои таинственные слова, приготовился выдергивать ее. Но это оказалось не такъ то легко. Лишь только старикъ протянетъ руки, чтобы обхватить куклу около пояса какъ его тотчасъ же какъ будто-бы какая-то невидимая сила оттолкнетъ назадъ, такъ что онъ быстро отскочитъ отъ нея. Тогда онъ заходитъ съ другой стороны, но и тамъ повторяется таже исторія. Нѣсколько разъ такимъ образомъ тщетно пытался онъ обхватить куклу, потъ выступилъ у него на лбу, лицо покраснѣлось, но кукла не давалась. Наконецъ только послѣ многихъ усилій онъ поймалъ ее и обхватилъ руками въ томъ мѣстѣ, гдѣ она перевязывалась поясомъ. Ухвативъ такимъ образомъ, онъ началъ трясти ее изъ стороны въ сторону, напрягая свои старческія силы, чтобы выдернуть рожь съ корнемъ и наконецъ таки выдернулъ, такъ что едва самъ не перевѣсился и не упалъ назадъ. Выдернувши, онъ взялъ куклу за корни и съ силою ударилъ ее нѣсколько разъ головою о землю, такъ что голова эта растрепалась, а потомъ поспѣшно началъ топтать то мѣсто, о которое ударалась голова, какъ будто бы стараясь раздавить что-то живое и втоптать его въ землю. Зрители, конечно, не могли видѣть, что было тутъ на землѣ, потому что мѣсто это скрывала отъ нихъ рожь, однако же всѣ были убѣждены, что онъ топчетъ змѣю или жабу.

— Ну славу Богу, — проговорилъ старикъ, выходя изъ ржи и неся съ собою пукъ соломы, въ которую превратилась бывшая кукла, теперь все благополучно. А крѣпко былъ засаженъ, нечего сказать!

Бабы въ испугѣ бросились было отъ него въ разныя стороны.

— Ну что боитесь, сороки? Теперь ужъ нечего бояться, на вотъ смотри, совсѣмъ она пустая, — и онъ потрепалъ рукою по колосьямъ.

— А что же, дѣдушка Савелій, въ ней было? — спросила одна баба.

— Что? Молода больно ты, я вижу, много будешь знать, скоро состаришься. Ты бы вотъ давеча подошла да и посмотрѣла сама, что въ ней было.

— И, родимай, гдѣ ужъ намъ смотрѣть, мы и теперь такъ боимся дотронуться!

— Ну то-то и есть, а вотъ тоже любопытна! — Засаженъ былъ крѣпко, нечего сказать! — снова повторилъ онъ, какъ бы про себя.

— Кто же засадилъ-то его?

— Знамо не такая красавица, какъ ты! Найдутся люди посмышленѣе тебя.

— Ну конечно, гдѣ ужъ намъ такія дѣла дѣлать! А ты бы вотъ намъ и разгадай, кто засадилъ-то?

— А хошь разгадаю? Да не токма што узнаю, а въ конецъ изведу того человѣка, который это сдѣлалъ?

— Ой ли? Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Ужъ это не твоего ума дѣло; какъ знаю, такъ и сдѣлаю.

— Сдѣлай, батюшка, сдѣлай кормилецъ, дѣдушка Савелій, пускай онъ лиходѣй помучится, по дѣламъ вору и мука, лучше впередъ не будетъ дѣлать этого, — стали просить его въ одинъ голосъ бабы.

— Эй хозяйка! ты желаешь? — спросилъ старикъ Христину.

— Да какъ же не желать! Я бы, кажись, и невѣсть что дала, только бы узнать своего лиходѣя.

— А въ домъпустишь меня съэтимъ добромъ? — указалъ онъ на куклу.

— Въ домъ? испуганно переспросила Христина. Какъ же такъ ее въ домъ?

— Да ты не бойся, тутъ ужъ теперь ничего нѣтъ, все очищено.

— Оно такъ словно бы очищено... въ раздумьи проговорила она смотря на куклу — А бѣды отъ этого никакой не будетъ?

— Какая тутъ бѣда! Говорю, что все очищено, теперь она все едино, что снопъ соломы.

— А коли ничего, такъ мнѣ што... пожалуй. Только что же ты съ ней сдѣлаешь въ дому-то?

— А сдѣлаю я то, что повѣшу эту куклу въ избѣ подъ потолокъ подъ самую грядку. Какъ только будетъ сохнуть рожь, такъ и тотъ лихой человѣкъ, что это подѣлалъ, будетъ таять и сохнуть. Иссохнетъ весь, какъ только вы-

сохнетъ вся рожь. А къ тебѣ ужъ онъ непременно придетъ въ это время. Какъ только почуветъ, да провѣдаетъ про это дѣло, такъ и почнетъ ходить къ тебѣ, все будетъ наровить, какъ бы стащить изъ дома эту куклу. Только ты стереги, не зѣвай. А утащить, такъ нечего ужъ ты съ нимъ не подѣлаешь, ничего ему тогда не будетъ.

— Только смотри, дѣдушка Савелій, что бы чего отъ этого не прилучилось? — снова спросила Христина.

— Ну вотъ опять! Говорю, что ничего не будетъ, нешто я обманывать что ли сталъ бы тебя!

— Получивъ такимъ образомъ согласіе хозяйки, Савелій продѣлалъ раздѣланную куклу на шесть и торжественно понесъ ее въ деревню. Здѣсь онъ подвѣсилъ ее въ хатѣ у Христины подъ потолочную грядку.

III.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ подвѣшена была кукла подъ потолочную грядку Христинина дома, дѣйствительно пришелъ къ ней крестьянинъ той же деревни по имени Михей, котораго въ деревнѣ по просту звали Микешей. Это былъ худой „тщедушный“ мужиченка низенькаго роста съ маленькимъ желтымъ и морщинистымъ лицомъ, окаймленнымъ жиденькою бороденкой, и только пара черныхъ подвижныхъ глазъ рѣзко выдѣлялась на этомъ желтомъ фонѣ лица своимъ какимъ-то особеннымъ лихорадочнымъ блескомъ. Задорный человекъ былъ этотъ Микеша. Шибче всѣхъ онъ оралъ обыкновенно на деревенскихъ сходахъ, а свяжется когда съ кѣмъ ругаться, то никто уже не могъ переругать и переспорить его. Не смотря на свою мизерную тщедушную натуру, онъ лѣзъ обыкновенно въ каждую деревенскую драку и самъ больше всѣхъ затѣвалъ таковыхъ, хотя онъ всегда дорого обходились его бокамъ. Неизвѣстно почему въ деревнѣ считали его колдуномъ, можетъ быть потому, что онъ былъ слишкомъ злопамятенъ и мстителенъ. Имѣло, быть можетъ, на образованіе такого мнѣнія вліяніе и то, что онъ какъ человекъ слабосильный, для котораго каждая драка оканчивалась жестокимъ побіеніемъ,

утѣшалъ себя и жилъ одними только угрозами, которыми и снискивалъ себѣ авторитетъ; послѣ каждой драки онъ всегда грозилъ обыкновенно своему противнику словами: „ну такъ помни же меня,“ чемъ и внушалъ опасенія своимъ обидчикамъ. Такъ вотъ этотъ-то самый Микеша и пришелъ теперь къ Христинѣ попросить у ней въ одолженіе лопаты. Но Христина, уже наставленная Савеліемъ, сейчасъ смекнула и поняла въ чемъ дѣло. „Вотъ онъ самый и есть“, прямо подумала она.

— На что же тебѣ теперь лопата-то понадобилась? — спросила она Михея, когда тотъ, высказавъ свою просьбу, безцеремонно усѣлся на лавку подъ передомъ.

— Да такъ, около двора кой-что почистить...

— Какое теперь время чѣститься около двора! Теперь пора рабочая, добрые люди въ полѣ работаютъ! — возразила Христина.

— Ужъ это мое дѣло, значитъ нужно, когда прошу, — спокойно отвѣчалъ Михей. Христина подозрительно посмотрѣла на него.

— Да вѣдь вотъ что, дядя Михей, на спросъ есть и отказъ, проговорила она.

— Что же тебѣ жалъ что ли лопаты-то? Не бойсь не изломаю!

— Да нѣтъ у меня, гдѣ же про тебя ее взять-то? На базаръ что ли сейчасъ для твоей милости покупать пойду?

— Намедни только еще видѣлъ, чистилась ты около двора, такъ какъ же нѣтъ то? — поймалъ ее Михей.

— Ну и есть да не дамъ... — огрызглась Христина.

— Отчего же это такая немилость?

— Отъ того, что нонѣ понедѣльникъ, а по понедѣльникамъ въ долгъ никому ничего не давай, добра не будетъ.

— Ну чтожъ, согласился Михей, упрямая ты баба... Богъ съ тобой!... А это что у тебя такое? — вдругъ указалъ онъ на снопъ, висѣвшій подъ потолкомъ.

— Что? Чай видишь что солома.

— Такъ для чего же ты ее тутъ повѣсила?

— Для красы, знамо для чего... Гостинецъ, вишь, добрые люди подрадли, такъ и надобно беречь его, — загадочно отвѣчала Христина, посмотрѣвъ искоса на мужика

— А! — неопредѣленно промычалъ Михей. Ужъ больно видно любятъ тебя добрые-то люди, когда такими гостинцами радѣютъ?

— Да и я-то ужъ больно очень чувствительно имъ благодарна... Вишь какъ гостинцами-то ихъ дорожу? На самомъ видномъ, почетномъ мѣстѣ подвѣсила, чтобы почаще любоваться такимъ подаркомъ да хозяина вспоминать, пусть тамъ почаще икается ему.

— Да и какъ не любить-то! — продолжалъ свою рѣчь Михей, какъ бы не обращая вниманія на слова хозяйки. Вишь вѣдь ты баба-то какая добрая, податливая: чего ни попроси, никогда отказа не получишь!.. А ужъ ласковое слово такъ завсегда у тебя найдется...

— А вы почаще жалуйте, Михей Егорычъ, такъ мы не такимъ еще васъ словомъ обласкаемъ... Скажу слово-то, такъ кошки сердце заскребуть!..

— Благодаримъ и на этомъ, много довольны... Долго будемъ памятовать ваши ласки, во вѣкъ не забудемъ, — загадочно проговорилъ Михей, выходя изъ хаты Христины.

— Ну ладно, проваливай! Не изъ робкаго десятка-то, не испугались! отвѣчала вслѣдъ ему Христина.

Не прошло и двухъ дней послѣ описаннаго посѣщенія Михея, какъ Христина возвратившись вечеромъ съ поля домой, не нашла уже подвѣшенной подъ потолкомъ куклы. Исчезла кукла вдругъ, и не извѣстно куда дѣвалась. Общее впрочемъ мнѣніе было то, что похитилъ и унесъ ее тотъ колдунъ, который и сдѣлалъ, а колдуномъ этимъ по всѣмъ признакамъ могъ быть не кто иной, какъ тотъ же Микеша.

— Не вытерпѣлъ значитъ, говорили бабы, когда Христина рассказала имъ объ этомъ загадочномъ исчезновеніи куклы, въ связи съ посѣщеніемъ Микеша. Какъ вотъ сказалъ Савелій-то, такъ и сбылось: стала сохнуть рожь, и ему тошно стало; какъ нибудь пробрался въ избу, когда тебя дома не было, да и унесъ.

— А ужъ какъ, родимые вы мои, онъ тогда глядѣлъ-то на эту куклу, какъ приходилъ ко мнѣ! — разьясняла бабамъ Христина. Вотъ уперъ въ нее своими-то глазищами, да такъ все и глядитъ. Разговариваетъ это со мной, а самъ все глядитъ, все глядитъ, глазъ не сводитъ съ этой куклы!..

— Испугался тоже, надо полагать, объяснила другая женщина. Вѣдь сердце-то, поди чай, тоже ёкнуло, какъ увидалъ, да догадался, что Савелій-то задумалъ съ нимъ подѣлать!

— Да и сохвуть ужъ больно дюже началъ, высказывала свои замѣчанія третья. И такъ-то у него ужъ рыло желтизной подернуло, а тутъ весь сдѣлался желтый кабы-то соломенный твѣтъ. Ну и не вытерпѣлъ, видитъ бѣда не минучая...

— А я-то съ дуру и хату-то свою не вздогадалась запереть, — упрекнула себя Христина. Бывало когда пойдешь куда, такъ и запрешь; а тутъ въ поле пошла, а не заперла, дверь только притворила... Такъ ужъ грѣхи попутали.

— То-то вотъ и есть! Смотряй, чтобы бѣды какой опять не прилучилось отъ этого самаго, внушительно замѣтила одна женщина. Кто его знаетъ!... Вотъ онъ унесъ теперь кублу-то, такъ и опять бы чегонибудь съ ней не подѣлалъ на тебя.

— Ну полно, что онъ сможетъ съ ней теперь подѣлать, типунъ тебѣ на языкъ! — самоувѣренно отвѣчала ей Христина. Однако же послѣдствія не оправдали этой ея самоувѣренности.

IV.

Праздникъ Рождества Богородицы бываетъ храмовымъ праздникомъ въ деревнѣ Осиновкѣ, а храмовой праздникъ въ этой деревнѣ, какъ и во всѣхъ другихъ весяхъ обширной крещеной Руси, празднуется на широкую, даже быть можетъ, черезъ чуръ широкую ногу. Не смотря на то, что вся деревушка состоитъ всего дворовъ изъ пятнадцати — шестнадцати, въ праздникъ этотъ она представляетъ изъ себя настоящій базаръ, и превращается въ многолюдное сборище. Цѣлыхъ четыре дня съ утра до вечера ея не особенно широкая улица полна бываетъ народомъ. Неистовые крики пирующихъ взрослыхъ, шумъ и гамъ малыхъ ребятишекъ, повременамъ крупная брань ссорящихся, — все это перемѣшиваясь съ крикливыми веселыми пѣснями молодежи, стономъ раздается надъ деревней за все праздничное время и далеко разносится по окрестностямъ. Свои и чужіе, — коренные туземные обитатели и пришлые гости толпами ходятъ изъ дома въ домъ отъ од-

ного конца деревни до другаго, это значить перегашиваются другъ съ другомъ. На пути этого шествія каждый порядочный крестьянинъ считаетъ своею непремѣнною обязанностію шататься изъ стороны въ сторону, беспорядочно болтаться и мотаться, однимъ словомъ выполнять все то, чего требуетъ приличіе деревенскаго праздника, а требуетъ оно одного, именно чтобы показать всему праздничному люду, что вотъ-де-какъ мы угостились! Въ рвеніи къ выполненію требовацій такого этикета нисколько не уступаютъ мужчинамъ и женщины. Шествуя вмѣстѣ съ мужчинами, иногда снисходительно поддерживая ихъ, а иногда по слабости своей получая и отъ нихъ поддержку, онѣ оживляютъ и воодушевляютъ это шествіе своимъ нѣжнымъ, хотя и не всегда особенно стройнымъ и пріятнымъ, пѣніемъ, сопровождая оное разными кривляньями и какимъ-то томнымъ, безсильнымъ помахиваніемъ краснымъ платочкомъ въ рукахъ. Исполняется иногда впереди шествія и веселая пляска, но на нее рѣшаются только такіе отважные мужики и бабы, которые пока еще крѣпки на ногахъ.

Въ такомъ именно, или по крайней мѣрѣ весьма похожемъ шествіи, никакъ уже на третій день праздника, слѣдовалъ и крестьянинъ лѣтъ тридцати, довольно высокій и плотный собою, въ которомъ можно было бы заподозрить нѣкоторую пріятность наружности и мускульную силу, если бы онѣ теперь не находились въ искаженномъ и усыпленномъ состояніи. Это былъ не кто иной, какъ Борисъ Степановъ, мужъ извѣстной намъ Христыны, теперь уже возвратившійся съ лѣтнихъ заработковъ на всю осень и всю зиму домой. Шелъ онъ такъ же, какъ и всѣ шли, т. е. шатаясь изъ стороны въ сторону, съ понурою, опущенною внизъ головою, и только отъ времени до времени, какъ будто бы по какому-то особенному вдохновенію, онъ вдругъ встряхивалъ этою головою и поднималъ ее такъ высоко, что она перевѣшивалась нѣсколько назадъ; тогда онъ начиналъ махать по воздуху руками и издавалъ какіе-то хриплые неопредѣленные звуки, имѣвшіе, повидимому, своимъ назначеніемъ вылиться въ веселую разбудалую пѣсню; при этомъ онъ поднималъ иногда даже одну ногу къ верху въ намѣреніи, безъ всякаго сомнѣнія, задать грѣака, но все это была только минутная вспышка угасшей энергіи организ-

ма; минута эта проходила, и Борисъ снова шатался изъ стороны въ сторону съ поникшею на грудь головою. Но чего не могъ исполнить самъ Борисъ, то отлично продолбывала болѣе мужественная и бодрая жена его Христина. Идя впереди кортежа, она подъ какую-то необыкновенно веселую пѣсню усердно выполняла какой-то необыкновенно веселый танецъ. Такъ весь этотъ кортежъ, медленно двигаясь вдоль деревни и увеличиваясь на своемъ пути новыми членами, присоединявшимися къ нему, благополучно достигъ до хаты Борисовой кумы, куда и направлялся. По заведенному уже обычаю всѣ принимавшіе участіе въ этомъ шествіи, даже безъ приглашенія хозяйки дома, ввалили въ избу и размѣстились на лавкахъ въ чайниі угощенія. На столѣ дѣйствительно тотчасъ же появилась водка и закуска, началось угощеніе.

Прогулка ли на свѣжемъ воздухѣ въ доль деревни, или видъ стоящей водки на столѣ живительно подбѣствовали на Бориса, рѣшить трудно, но только онъ вдругъ ободрился, какъ бы страхнувъ съ себя опьяняющую дремоту, а когда выпилъ стаканъ водки, такъ даже нѣсколько повеселѣлъ и вступилъ въ любезное объясненіе съ кумою.

— Ай да кума! вотъ люблю! На-ко-се пиръ какой она затѣяла!

— Ужъ не извините, любезные гости, на маломъ не възыщите, за большое почтите, — бойко отвѣчала кума, жеманно кланяясь гостямъ.

— Чево не извинить! Да у такой кумы вѣкъ пировать горя не видать.

— А ты полно! Вѣдь никто не хвалить, ну что ты присталъ ее хвалить-то! — ревниво вмѣшивалась въ разговоръ жена Борисова Христина.

— Женщина! — Ты вотъ что я тебѣ скажу: вѣдь ты женщина, — такъ мнѣ и пошъ про то сказалъ, — ну и молчи своимъ женскимъ дѣломъ, — отвѣтилъ ей мужъ. Право ей Богу — горя не видать... Кума! такъ ли я говорю? снова обратился онъ къ кумѣ.

— Что говорить, на многомъ не спросимъ, такъ завсегда къ намъ милости просимъ... У насъ вѣдь по просту: выпилъ да закусилъ, пошелъ и загнусилъ... Много-то не угостимъ, а все таки отъ дому далеко не уйдешь... начала-было выкладывать запасъ своего остроумія кума.

—Знаемъ, знаемъ,—перебилъ ее Борисъ, баба-то ты бойкая, на рѣчахъ стойкая, какъ разговоръ свой поведешь, такъ просто кинареичкой поешь, залюбуешься! А ты вотъ что, кума: сойди-ка съ ума, да и поднеси намъ по другой!

Съ такими-то шутками-прибаутками стаканчики лились за стаканчиками, и гости видимо начали пьянѣть. Поднялся шумъ и гвалтъ невообразимые: кто пѣсни поетъ, кто пляшетъ, кто обнимается.

—Женщина!—Пляши! Бабы!—Пой!.. закричалъ Борисъ.

—Ха, ха, ха! засмѣялись мужики. Вишь онъ какъ жену-то свою величаетъ: женщина!

—Пожилъ на чужой-то сторонѣ, такъ научился, какъ ее величать-то... Съ благородными вѣдь тамъ кампанію-то все водилъ, ну они его и научили,—замѣтилъ извѣстный уже намъ Михей, который оказался тутъ же въ числѣ незваныхъ гостей.

—Вишь благороднѣй жена-то будетъ, какъ мужъ такимъ важнымъ словомъ ее обзоветъ,—посмѣялся одинъ крестьянинъ.

—И то, подхватилъ Михей, указывая на Христину,—смотри-ка, сразу же барыней сдѣлалась, какъ куклолка сидитъ... Вишь вѣдь онъ какъ обрядилъ ее!

—А вотъ и обряжу, куклолкой наряжу!—загорячился Борисъ. Только не такой, какую ты мнѣ на полосу-то посадилъ...

—Какую такую, къ примѣру, я тебѣ куклу посадилъ? вдругъ обидѣвшись, придрался къ нему Михей.

—А, забылъ! Память-то видно стала слаба, повышибли въ дракахъ то...

—Нѣтъ! Ты мнѣ скажи, какую такую куклу на полосу?

—А-а! Не знаешь! Ну а къ примѣру лопату кто приходилъ просить у женщины? Это вамъ тоже не извѣстно?

—Что твоя лопата! Лопата тутъ не при чемъ! Нѣтъ, ты мнѣ скажи...

—Ну а куклу кто изъ избы унесъ? Это вамъ тоже не извѣстно?

Слово за слово, а тутъ вдругъ Борисъ съ Михеемъ вцѣпились другъ въ друга и давай царапаться. Событіе это совершилось до того неожиданно, что сначала въ

общей суматохѣ никто даже и не замѣтилъ этой драки.

Царапаться и биться составляетъ у русскаго народа, можно сказать, потребность каждаго болѣе или менѣе значительнаго торжества, и драка въ праздникъ есть такое обычное явленіе, что ей не придаютъ никакого особаго значенія, считая это „дѣломъ плевовымъ“. Можно сказать даже болѣе: это составляетъ, такъ сказать, украшеніе праздника, знаменуетъ его предъ другими обыкновенными днями и придаетъ ему особый эффектъ, подобно тому какъ фейерверкъ или музыка въ саду деревенскаго помещика знаменуетъ почему нибудь особенно важный день въ годичномъ кругу другихъ праздниковъ. А потому обойтись празднику въ деревнѣ безъ нѣсколькихъ дракъ—это значило бы ничѣмъ особеннымъ не ознаменовать праздникъ. По этой-то причинѣ и въ этихъ исключительно видахъ бьются и царапаются положительно всѣ кому только съ кѣмъ придется: бьется свать со сватомъ, братъ съ братомъ, отецъ съ сыномъ, дерутся и вовсе чужіе, у которыхъ нѣтъ даже никакихъ общихъ интересовъ. Нѣкоторые неугомонные характеры знаютъ даже напередъ, что они въ праздникъ подерутся нѣсколько разъ, а потому заблаговременно припасаютъ для себя рѣдьки или хрѣну, чтобы послѣ ими потереться. Есть большая разница и въ самыхъ терминахъ—биться и царапаться: бьются обыкновенно только тѣ, которые еще настолько пьяны, что въ состояніи держаться на ногахъ; въ противномъ же случаѣ, т. е. когда уже бойцамъ ноги измѣняются, они не бьются, а просто, катаясь по полу или по землѣ, не милосердо царапаютъ другъ друга, и должно признать, что послѣднее всегда бываетъ горше перваго. Но къ чести русскаго народа слѣдуетъ отнести то, что никогда, или очень рѣдко случается, чтобы бойцы сердились другъ на друга за эти праздничныя драки. Обыкновенно бываетъ такъ, что подерутся-подерутся да тутъ же и смирятся, глядишь,—а они уже задушевно обнимаются и любезно цѣлуютъ другъ друга, взаимно обтирая этими поцѣлуями другъ у друга кровь, просачивающуюся изъ разсѣченной губы или разбитаго носа. Такъ и теперь, ну поцарапались Борисъ съ Михеємъ, катаясь по полу, добрые люди розняли ихъ кой-какъ, повидимому и дѣлу бы конецъ. Но

здѣсь вышло нѣсколько иначе. Борисъ и Михей оба были мужики упористые, цѣловаться они послѣ поединка не стали, а отъ этого и вышла вся бѣда, можетъ быть это зависѣло и отъ того, что колдуны вообще не легко прощаютъ обиды своимъ обидчикамъ такъ, чтобы тутъ же цѣловаться съ ними, этимъ они уронили бы свой авторитетъ. Такъ поступилъ и Михей: „ну такъ помни же меня!“ сказалъ онъ Борису, уходя изъ избы, и послѣдствія показали, что дѣйствительно слѣдовало его помнить.

V.

Праздникъ прошелъ, и деревенская жизнь вошла было въ свою обычную колею. Всѣ передравшіеся давно уже помирились и забыли про свои обиды; забылъ было и Борисъ про свою, но объ ней вскорѣ пришлось ему вспомнить.

Спустя не болѣе недѣли послѣ праздника въ Осиновкѣ опять поднялся шумъ и слышенъ былъ гамъ не обыкновенные. Вотъ уже дня съ два неистово кричатъ и галдятъ мужики на своихъ деревенскихъ сходкахъ. Соберутся они съ раняго утра къ дому своего старосты и начинаютъ галдѣть, не то они ругаются между собою, дѣло, конечно, не обходится и безъ этого, не то обсуждаютъ какой серьезный вопросъ, и дѣйствительно есть такой вопросъ, для котораго они собственно и собираются. Но обсужденіе этого вопроса постоянно затемняется и развлекается множествомъ другихъ побочныхъ вопросовъ, иногда чисто личныхъ счетовъ, которые вызываютъ взаимную брань и перекоры, такъ что главный-то вопросъ и остается трудно уловимымъ, не смотря на то, что всѣ эти счеты и расчеты вертятся именно около этого вопроса.

—Какая тутъ порука! Кто тебѣ давалъ эту поруку?! кричалъ изо всѣхъ силъ одинъ мужикъ.

—А ты перекстись, есть ли на тебѣ хрестъ-то! окаянная сила! — оралъ другой.

—Да што ты меня жердями-то кормишь? Ты узнай перва на перво, откуда онѣ — жерди-то — раздавалось въ другомъ мѣстѣ.

—Вѣдь сто кореней! Нешто одинъ сто кореней подынешь?

— Пропились, окаянные души, такъ и хрестъ съ себя долой! Нешто это совѣсть, по божеецки?

— А кто доносъ сдѣлалъ? Нешто это порука!

Такъ кричали и галдѣли во всѣ свои горла мужики. Дѣло въ томъ, что не далѣе, какъ дня три тому назадъ въ деревню осиновку пріѣзжалъ лѣсничій и освидѣтельствовалъ съ понятыми крупную порубку въ здѣшнемъ казенномъ лѣсу, которую могли учинить не другіе кто, какъ только Осиновцы. И дѣйствительно, учинили ее они; а учинили такимъ образомъ и по такой причинѣ. Благодаря осеннимъ праздникамъ и разгулу, который мы уже видѣли, и на который средства обыкновенно пріобрѣтаются чрезъ продажу только что намолоченнаго хлѣба, хлѣба этого на круглый годъ ни у кого не достаетъ, такъ что добрая половина еще съ весны начинаетъ покупать его. Но покупать обыкновенно бываетъ не начто, потому что ремесль у здѣшнихъ крестьянъ нѣтъ никакихъ, а продать чтонибудь отъ другихъ статей хозяйственной экономіи тоже не имѣется. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ они и прибѣгаютъ обыкновенно къ своему издревле излюбленному кормильцу—лѣсу. Прежде у нихъ былъ свой лѣсъ, которымъ они по преимуществу и добывали, но теперь лѣсъ этотъ былъ весь уже сведенъ. Поэтому вотъ уже нѣсколько лѣтъ они ежегодно дѣлаютъ наѣзды на казенный лѣсъ, и сначала это имъ благополучно сходило съ рукъ, потому что надзоръ за лѣсомъ въ то время былъ слабый, лѣсничій жилъ далеко и рѣдко заглядывалъ къ нимъ. Въ послѣднее время обстоятельства перемѣнились и Осиновцы за послѣдніе два года вынуждены были платить значительные штрафы за свои порубки, въ чемъ впрочемъ они виноваты были сами. Дѣло въ томъ, что до настоящаго года казенный лѣсъ рубили хотя всѣ крестьяне, но рубилъ его каждый самъ по себѣ, самъ слѣдовательно за себя и отвѣчалъ. При такомъ порядкѣ дѣло это не могло быть безопаснымъ. Поругаются между собою въ чемънибудь два мужика, подерутся, — и сейчасъ одинъ идетъ доказывать на другаго въ учиненной имъ порубкѣ. По доказу наѣзжаетъ лѣсничій и по указанію доносчика отыскиваетъ порубку и штрафуетъ виновнаго. Оштрафованный въ свою очередь ведетъ лѣсничаго на порубку

своего доносчика, и мало по малу такимъ образомъ перепутаются всё и всё подвергаются штрафу. А тутъ отъищутся уже сами собою и такія порубки, въ которыхъ не находится виновный, тогда за нихъ привлекаются къ отвѣтственности полѣсовщики (*), которые и отдуваются уже своимъ собственнымъ карманомъ. Штрафы наконецъ вразумили мужиковъ, и они поняли, что такой порядокъ—не порядокъ, къ тому же и полѣсовщики, вынужденные штрафами, стали вставать противъ порубокъ. Въ настоящемъ году полѣсовщикомъ выбранъ былъ извѣстный намъ Борисъ, вмѣстѣ съ другимъ крестьяниномъ изъ той же деревни, которые рѣшительно объявили, что посягателей на казенный лѣсъ они будутъ ловить и представлять по начальству. Тогда Осиновцы для успокоенія полѣсовщиковъ и для обезпеченія, какъ ихъ, такъ и себя отъ доносовъ и штрафовъ придумали повидимому надежную гарантію—круговую поруку. Весною на мірскомъ сходѣ они торжественно постановили, чтобы лѣсъ казенный воровать всѣмъ имъ сообща, въ случаѣ же, если откроется ихъ порубка и будетъ оштрафована, то и штрафъ этотъ также чтобы платить имъ всею деревнею по подушной разкладкѣ, въ вѣрности чего и руки другъ другу давали. При такомъ условіи полѣсовщики были гарантированы отъ штрафовъ за неизвѣстныя порубки, а сами крестьяне взаимно гарантировали себя отъ доносовъ, потому что теперь штрафъ по необходимости долженъ былъ бы платить и самъ доносчикъ. Надѣясь на такую гарантію они въ нынѣшнюю весну и хватили казеннаго лѣса уже черезъ чуръ, но на повѣрку гарантія эта оказалась не настолько надежною, какъ рассчитывали мужики, доносъ все таки явился и въ нынѣшнемъ году, хотя не явный, но тайный, а за доносомъ неминуемо долженъ былъ послѣдовать и штрафъ, такъ какъ лѣсничій передалъ уже дѣло мировому судѣ. Теперь, когда мужики почували этотъ штрафъ, вѣра ихъ въ круговую поруку поколебалась, и они стали отказываться и отпираться какъ отъ учиненной ими по-

(*) Полѣсовщиками называются сторожа казеннаго лѣса, назначаемые изъ крестьянъ, которые бываютъ отвѣтственны за его цѣлость.

рубки, такъ и отъ круговой за оную поруки, сваливая такимъ образомъ всю отвѣтственность на однихъ полѣсовщиковъ. Объ этомъ-то и идетъ теперь двухдневный споръ, въ которомъ шибче всѣхъ горланить Михей или Микеша.

—Гдѣ же у васъ совѣсть-то? Подлецы! На сходѣ всѣмъ міромъ клялись, руки другъ другу давали, а тутъ въ отказъ! Пропили вы совѣсть-то, мошенники,—отстаивалъ себя Борисъ.

—Да вѣдь присяги никому не было? Какая же тутъ порука! Никто хреста съ вами не цѣловалъ, чтобы за васъ штрафъ платить. Вы въ винѣ, а мы за нихъ штрахъ!—горланилъ еще шибче его Микеша.

—Да тебѣ колдуну какая же можетъ быть присяга? Сто присягъ тебѣ дай, такъ нечистые научатъ тебя, какъ отпереться! Тебѣ на нихъ, на нечистыхъ-то, только и можно присягу принимать.

—А вы чего же зѣвали? На что васъ начальство-то полѣсовщиками поставило? Нешто для того, чтобы зѣвать да глазами хлопать!—кричалъ другой мужикъ.—Ты вотъ, обратился онъ къ Борису, нынѣшній годъ въ казенной должности сидѣлъ, а лѣто-то почестъ все на чужой сторонѣ жилъ, денежки добывалъ, такъ кто тутъ виноватъ-то? Нешто это законъ, чтобы отъ казенной должности да на чужую сторону идти?!

—Да вѣдь порука была, лѣшева ты голова! Вѣдь дѣло-то рѣшено было по совѣсти на всемъ міру, анъ совѣсть-то видно у васъ въ полуштофѣ вся затоплена! Совѣсти-то въ васъ нѣтъ никакой! урезонивалъ его Борисъ.

—Ну у тебя ее много, такъ ты вотъ и плати, а намъ платить тутъ не приходится.

—Какъ же такъ не приходится-то? Кто лѣсъ-то рубилъ, нуко-се скажи?

—А кто е знаетъ, кто его рубилъ! Ты бы и ловилъ тогда, когда рубили. Что же ты не ловилъ-то?

—Вѣдь руку ты давалъ на всемъ міру, помнишь ли? Отсохнетъ у тебя рука-то, коли ты давалъ ее для-ради обмана!

—Да вѣдь руки давали, чтобы не доносить по началству, вмѣшались другіе, а тутъ вотъ доносъ! Такъ нешто это порука? Кто, стало быть, первой поруку-то нарушилъ?

— А кто донесъ-то? Ну-ко скажи, кто донесъ объ этомъ по начальству?

— А кто е знаетъ, кто донесъ, намъ до энтова дѣла нѣтъ. Донесли, значить и вся порука—басто!

— Какъ же это такъ—басто?

— Такъ, басто-да и вотъ тѣ, потому доносъ...

— Такъ ты доищись сначала, кто донесъ-то да и вини его;

— Это ваше дѣло доискиваться, кто донесъ, потому какъ вы въ отвѣтъ, такъ съ того вы и ищите, кто на васъ донесъ.

— А міръ-то для чего же? Вѣдь онъ весь міръ въ яму-то ввалилъ, такъ стало быть міръ и долженъ знать это дѣло! Вонъ люди говорятъ, Микеха колдунъ донесъ, ну и бери его міръ, ищи съ него.

— Міру что его брать-то? Лѣшій съ нимъ, съ него и взять-то нечего. Берите его сами, да и дѣлайтесь съ нимъ, какъ знаете, а міръ въ штрахъ не плательщикъ.

Долго спорили мужики, успѣли всѣ переругаться между собою, но въ концѣ концовъ все-таки пришли къ тому рѣшенію, что штрафа всему міру платить не слѣдуетъ, потому что данная міромъ круговая порука была нарушена доносомъ, хотя и безъимяннымъ.

VI.

Чрезъ нѣсколько времени дѣло объ Осиновской порубкѣ назначено было къ разбирательству у мирового судьи; вызваны были оба полѣсовщика и крестьяне. Крестьяне въ порубкѣ отперлись, и мировой судья оштрафовалъ обоихъ полѣсовщиковъ по пятидесяти рублей cadaго.

Не извѣстно: какъ? почему? и отъ чего?—Но только отъ мирового судьи Борисъ возвратился совсѣмъ уже другимъ человѣкомъ, такъ что трудно было и узнать его. Изъ веселаго словоохотливаго онъ вдругъ сдѣлался задумчивымъ, грустнымъ, молчаливымъ. Пришелъ домой, женѣ и слова не сказалъ, а какъ сѣлъ подъ переднимъ окномъ на лавкѣ, такъ и просидѣлъ тутъ цѣлый день молча, все о чемъ-то думая. И съ этого времени сталъ онъ вести себя такимъ образомъ изо дня въ день, точно вдругъ что съ нимъ случилось. Отъ хозяйства совсѣмъ отбился, рѣшительно все бросилъ, а сидитъ только подъ

передомъ да молчить, молчить и думать. Подойдетъ жена, чтобы разговорить его, онъ грубо оттолкнетъ ее, чего прежде съ нимъ не бывало, а то просто отвернется и не хочетъ слушать. По временамъ же стало находить на него нѣчто такое, подъ вліяніемъ чего онъ и вовсе ужъ несообразное сталъ дѣлать: вдругъ, напримѣръ, возьметъ ножъ и начнетъ точить его, вотъ точить, вотъ натачиваетъ, а для чего? — кажись бы во все и не нужно.

— Для чего же ты это натачиваешь-то его? спросить какая нибудь кумушка, пришедшая въ это время навѣстить Христину.

— А вотъ совѣсть хочу прививать вашему міру, испортилась вишь совѣсть-то у него, давно не прививали... загадочно отвѣчаетъ Борисъ.

— Какъ же ты ее привьешь-то?

— Да такъ, возьму вотъ старую-то надрѣжу, да свѣжую туда вложу, молодую... сразу зацвѣтетъ...

— Гдѣ же ты возьмешь свѣжую-то?

— А у Бога-то! Нѣшто у Бога ихъ мало? Э-эхъ! рѣдко только Богъ-то къ намъ заглядываетъ. Какъ бы почаще онъ батюшка заглядывалъ, такъ давно-бы всѣхъ потопомъ потопилъ, али огнемъ бы ужъ совѣсть-то эту нечистую очистилъ, — старую-то бы попалилъ да новую почище ужъ вложилъ.

— Какъ же бы онъ попалилъ-то?

— Пѣтуха бы своего красного послалъ... Ты думаешь, вѣдь Богъ-то доколѣ тоже терпитъ... А тутъ какъ пошлетъ своего огненнаго пѣтуха, пролетитъ онъ по деревнѣ-то изъ конца въ конецъ, ну все и очиститъ..

Въ другой разъ Борисъ думалъ цѣлыхъ три дня, сидя подъ передомъ на лавкѣ, и наконецъ придумалъ такую штуку. Раздобылся онъ гдѣ то штофомъ вина, навязалъ этотъ штофъ на длинный шестъ и пошелъ съ нимъ вдоль деревни, крича: „по совѣсть, по совѣсть, кто совѣсть хочетъ продавать!“ На вопросъ встрѣчавшихся крестьянъ: что такое онъ дѣлаетъ? — Борисъ отвѣчалъ: да вотъ совѣсть у мірянъ скупаю.

— На что же она тебѣ понадобилась?

— Не для себя хлопочу, а для нихъ же всё...

— Какъ же это для насъ-то?

— Тяжела больно совѣсть-то у васъ стала, въ тягость

вамъ она поди, потому этой мерзости-то много больно ужъ на ней насѣло, такъ я и хочу совсѣмъ ужъ васъ облегчить отъ нея.

— Такъ а это что же у тебя?—спрашивали мужики, указывая на штофъ съ водкой, высоко поднятый на шесть.

— А вотъ въ этой самой дьявольской водицѣ мы и потопимъ всю мірскую совѣсть... самое подходящее ей тутъ мѣсто.

— Ты хочешь, стало быть, ужъ совсѣмъ міръ-то безъ совѣсти оставить?

Ничего, легче, говорю, будетъ безъ нея, меньше тяготы-то... А кто захочетъ, такъ тотъ новую у Бога проси, Богъ не откажетъ.

— Вишь вѣдь ты какой смысленый, нако-се что придумалъ!—Ну а твоя-то совѣсть гдѣ же? Не первый ли свою-то тутъ утопилъ?—указывали мужики на штофъ.

— Была тутъ и моя, а теперь ужъ и быть-то ей тутъ не зачѣмъ, потому просвѣтлѣла... Какъ прочистили ее міромъ, протерли ей туманъ-то такъ поди-ка какая ясная сдѣлалась, такъ и блеститъ!

Такими-то и подобными выходками отъ времени до времени развлекалъ Борисъ своихъ односельчанъ. Мужики сначала только подсмѣивались надъ нимъ, „чудить-де съ горя да досады“, а потомъ стали уже и опасаться его, какъ бы вреда какого не причинилъ деревнѣ: „про пѣтуха краснаго толкуетъ все, какъ бы и на самомъ дѣлѣ не подпустилъ краснаго пѣтуха со зла на міръ,“ толковали они иногда между собою. Но опасенія эти оказались напрасными.

Вслѣдствіе рѣшенія мирового судьи въ скоромъ времени явился въ деревню Осиновку приставъ взыскивать съ полѣсовщиковъ положенный на нихъ штрафъ. У Бориса денегъ не оказалось, а потому приставъ приступилъ къ описи его имущества. Цѣнными въ этомъ имуществѣ оказались только лошади да корова, ихъ-то и предназначилъ приставъ для аукціонной продажи. Борисъ во все время производства описи молча сидѣлъ подъ своимъ передомъ, не проронивъ ни слова, и ни разу не вышелъ даже на дворъ, гдѣ производилась оцѣнка. Только когда уже совсѣмъ повели лошадей и корову со двора, онъ вдругъ по-

явился на крыльцѣ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица и помутившимися глазами и проговорилъ не менѣе страннымъ неестественно спокойнымъ голосомъ: „что же вы телѣгу-то оставили? Лучше бы къ стати и телѣгу тащили! Лошадь-то въ телѣгу запрягли бы, а корову-то бы сзади привязали, — такъ-то оно было бы ладнѣе!“ и проговоривъ это, онъ опять ушелъ въ избу и сѣлъ подъ передомъ.

VII.

На другой день послѣ описаннаго событія утромъ по всей деревнѣ разнесся слухъ, что Борисъ ночью сошелъ съ ума. Извѣстнымъ сдѣлалось, что ночью же привозила Христина и священника, чтобы приобщить больного, но приобщать его оказалось невозможнымъ, потому что онъ находился въ безпамятствѣ. Крѣпкіе нервы Бориса не выдержали непосильной работы, возбужденной тревогами за послѣднее время, и съ нимъ случилась нервная горячка.

— Да, вотъ она жизнь-то человѣка! Какой вѣдь былъ парнище, — а вдругъ свалило и такого! — шелъ разговоръ по этому поводу въ вучкѣ собравшихся крестьянъ.

— Что говорить! Кручина-то вѣдь не свой братъ, она живо сломитъ хоть какого силача!

— А вѣдь мы, ребята, парня-то сгубили, грѣхъ этотъ падетъ на наши души, — замѣтилъ одинъ старикъ, который и на сходахъ противился тому, чтобы міръ отрекался отъ поруки.

— Чѣмъ же мы-то его сгубили? — возразилъ ему другой молодой еще парень.

— Да какъ же, кто ему кручину-то эту нагналъ? Отъ кого эта кручина? Вѣдь мы всѣ въ яму-то его ввалили, нако-се пятьдесятъ рублей! Денегъ вѣдь махъ, гдѣ же справиться тутъ одному!

— Полно-ко, дѣдушка, да ты думаешь отъ этого что ли у него кручина такая, что съ ума-то онъ сошелъ? Плачивали штрафы и мы, — мало ли мы ихъ переплатили, — да съ ума никто вѣдь не сходилъ... Нѣтъ тутъ гляди другое что... чтонибудь подѣлано...

— Такъ ужъ, грѣхи тогда попутали, — продолжалъ старикъ свою мысль. А вѣдь парень-то вовсе бы не виноватъ,

потому всѣмъ міромъ мы поруку имъ давали, чтобы штрафъ платить собща, а тутъ отреклись, ну стало быть грѣхъ на душу и приняли, что отъ поруки отреклись.

—Микеха вѣдь тогда все міръ-то замутилъ,—стали припоминать другіе,—онъ первый зѣду-то эту поднялъ, подущать сталъ міръ, что бы отречься отъ поруки.

—А вы вотъ и послушались дурака! Вѣдь онъ колдунъ, знамо его дѣло только въ томъ и состоитъ, чтобы на зло да на грѣхъ міръ навести,—упрекалъ мужиковъ старикъ.

—На зло, это именно, по злу все сдѣлано,—подтвердилъ слова старика другой крестьянинъ. Вѣдь онъ и доносъ-то этотъ сдѣлалъ о порубкѣ, Микеха все! Я самъ своими ушами слышалъ, какъ лѣсничаго писарь говорилъ, что онъ, говоритъ,—Микеха доносъ этотъ сдѣлалъ. По злу, вишь, на Бориса, такъ надо полагать... потому какъ они тогда въ праздникъ подрались, такъ онъ вотъ и мститъ ему за это самое.

—Донесъ, а тутъ и почаль міръ мутить, чтобы отречься отъ поруки! Оморочилъ, колдунъ проклятый!

—Ужъ и подлинно, что оморочилъ, подтвердилъ старикъ, такъ таки вотъ въ умѣ словно бы всѣхъ помутилъ, на-ко-се на грѣхъ какой навелъ! Поди чай, окаянные-то его теперь радуются, что мы чужую душу загубили, да и свои-то тутъ же...

—Полно-ко, дѣдушка, да нешто мы что ли его сгубили! Намъ Богъ съ нимъ, что намъ его губить то? Какаа отъ того корысть?... Тотъ же, чай, Микеха и подблалъ что нибудь надъ нимъ, когда зло на него имѣлъ... Онъ, надо полагать, и тоску-ту эту на него навелъ да и насъ-то всѣхъ обморочилъ своимъ колдовствомъ,—упорно продолжалъ отстаивать свою мысль тотъ же молодой крестьянинъ.

—Да, толкуй тутъ—подблалъ! Подблается, какъ послѣднюю-то лошадь да корову со двора вонъ поведутъ,—отвѣчалъ ему старикъ.

Не такъ взглянули на все это дѣло осиновскія бабы, у нихъ преобладала совсѣмъ другая точка зрѣнія.

—Вотъ спорышня-то! Вотъ тебѣ и спорышня: лошадь да корову свели вонъ со двора, а тутъ и самъ-то, гляди,

изведется... говорили онъ между собою, собравшись передъ окномъ Борисова дома, куда привлекалъ ихъ интересъ посмотреть на сумасшедшаго.

— Что говорить, родимая, ужъ это кукла во ржи никогда такъ не пройдетъ, безъ бѣды не обойдется; на него, вишь, была она сдѣлана.

— Ну чего еще! Ужъ видимое дѣло, что на него, его злодѣй задумалъ извести... Вотъ вѣдь онъ каковъ Микеха-то!

— Да вѣдь ужъ Савелей-то словно бы совсѣмъ тогда раздѣлалъ эту куклу, такъ отъ чего же бы теперь бѣдѣ-то этой быть?

— Да, раздѣлалъ! Поди-ко вотъ ты ее раздѣлай! Онъ раздѣлалъ, а Микеха-то опять вонъ утащилъ ее изъ избы. Вѣдь говорилъ тогда Савелей-то, что стеречь нужно ее, не давать, чтобы опять-то утащили, — ну и надо бы стеречь!

— Сжечь бы лучше тогда ее, такъ дѣло-то было бы складнѣе.

— Хотѣли, вишь, извести самого колдуна, анъ дѣло-то и вышло во какое! Гдѣ ужъ тутъ колдуна извести! Изведешь ли ихъ!

— А можетъ быть и отъ этой самой ржи что иибудъ подѣлалось, — вставила свое замѣчаніе тетка Марѳа. Вѣдь говорила я тебѣ, Христина, — обратилась она къ только что подошедшей Христинѣ, — что рожь съ этой полосы либо бросай, либо продавай, въ прокъ она ужъ не пойдетъ, бѣды только жди отъ ней, — а ты поди не продала?

— Да отъ чего было продавать-то? Продавать-то не отъ чего было, себѣ, до весны не хватить, такъ какъ же ты ее продашь! — оправдывалась Христина.

— Что дѣлать то! Ужъ своихъ бы лучше приплатила, а рожь эту все-таки бы съ рукъ долой сбыла. Ну теперь вотъ лучше ли надѣлала? Нако-се горя какого нагнала!

— Ахъ ужъ, родимые, не знаю что и дѣлать. Я и сама то словно бы ошалѣла, хожу какъ очумѣлая, заплакала Христина.

— Что дѣлать-то? Къ колдуну опять надо итти; можетъ статья и поможетъ еще который посвѣдующѣе, предложила свой проектъ тетка Марѳа. — А слезами тутъ ничего дѣлу не поможешь.

— Вотъ въ Дубняки сходила бы ты, Христина, тамъ горожея, говорятъ люди, есть хорошая, хорошо больно помогаетъ, — посовѣтывала другая. А и отсюда не далеко, всего верстъ пятнадцать. Право сходи! —

— Ну а его-то какъ же я оставлю? — возразила Христина. Вѣдь онъ теперь самъ не свой, пожалуй и не надѣлалъ бы чего одинъ-то!

— Ничего, Христина, иди съ Богомъ, мы здѣсь за нимъ поприемотримъ, — вызвалось нѣсколько женщинъ, живущихъ по сосѣдству съ Христиною. И такимъ образомъ Христина въ тотъ же день отправилась въ деревню Дубняки поворожиться у колдуньи.

VIII.

Колдунья, жившая въ деревнѣ Дубнякахъ, была такая же обыкновенная сморщенная, какъ старый грибокъ, старуха, какими бываютъ и колдуньи, и всѣ другія старухи. Не смотря на это, однако же всѣ считали ее за важную колдунью, быть можетъ потому, что она употребляла иногда противъ нѣкоторыхъ болѣзней слишкомъ радикальныя средства, отъ которыхъ печальные слѣды оставались нерѣдко на всю жизнь.

Когда явилась къ ней Христина и передала обстоятельства дѣла, по которому пришла, то прежде всего, какъ и водится у всѣхъ колдуній, она погадала на водѣ, — живъ будетъ, или нѣтъ? Для этого налила она въ блюдо воды, опустила на дно нѣсколько мѣдныхъ крестовъ, а поверхъ пустила нѣсколько угольковъ, потомъ прочитала трижды молитву „отче нашъ“ задомъ на передъ, т. е. начала эту молитву съ конца, а кончила началомъ, послѣ чего долго и пристально посматрѣла на дно блюда и тогда только съ увѣренностію объявила, что „это съ нимъ подѣлано, лихой человекъ подѣлалъ,“ но что все таки онъ будетъ живъ.

— Лѣчить надо, а такъ знамо не пройдетъ, — пояснила она Христинѣ.

— Такъ ужъ какъ же, родимая, кому его лѣчить-то? Ты полѣчи.. — стала просить ее Христина.

— А мнѣ лѣчить, — такъ самой надо туда къ тебѣ ѣхать, заглазно вѣдь лѣчить нельзя отъ такой болѣзни, — заявила колдунья.

— Какъ же мнѣ тутъ быть-то... У меня и лошади-то нѣтъ, вѣдь я пѣшкомъ пришла...

— Ну нѣтъ, такъ найми, коли хошь, чтобы мужъ былъ здоровъ, не велико дѣло-то!

Дѣлать нечего, наняла Христина подводу и привезла старуху къ себѣ въ домъ. Здѣсь, осмотрѣвъ больного, старуха сразу сообразила, что ей нужно было дѣлать.

— Ты вотъ что сдѣлай молодуха, — обратилась она къ Христинѣ: затопляй сей часъ печку, нагрѣй воды да накали до красна камни, — мы его посадимъ на пары.

— Да какъ же ты его посадишь? Онъ и сидѣть-то самъ не сможетъ.

— Ничего подержимъ.

Когда вода была нагрѣта и горячіе камни были готовы, то колдунья положила туда еще какихъ-то травъ и корней, и потомъ вмѣстѣ съ Христиной стащили больного съ его постели и посадили на пары, каковую операцію они повторяли потомъ съ нимъ до трехъ разъ. Отъ этихъ паровъ у Бориса тотчасъ же разшаталися всѣ зубы, а потомъ и начали валиться и выпали всѣ до одного.

— Что это ты, бабушка, съ нимъ надѣлала? Вѣдь ты его совсѣмъ безъ зубовъ оставила? — изумлялася Христина.

— Ничего не подѣлаешь, такъ ужъ это надо... Оно многонько выпало-то, зубами-то, вишь, онъ больно слабъ, отвѣчала бабушка, и тотчасъ же собрала всѣ эти зубы въ мѣшочекъ, зашила ихъ на подобіе ладонки и велѣла Христинѣ свести на сельское кладбище въ самую полночь и зарыть ихъ тамъ на какойнибудь могилѣ; а будешь зарывать, наставляла она ее, такъ приговаривай три раза: „доколѣ эти зубы будутъ гнить, дотолѣ у моего мужа перестанетъ сердце нить.“ Потомъ велѣла испечь три куриныхъ яйца, поворожила что-то надъ ними и сама положила ихъ подъ голову больного, наказавъ Христинѣ, чтобы она держала эти яйца подъ головой больного двѣнадцать дней, а черезъ двѣнадцать дней снесла бы ихъ куданибудь въ лѣсъ подальше отъ жилья и зарыла тамъ въ муравейникъ. Какъ только съѣдятъ муравьи эти яйца,

объяснила она, такъ вся эта болѣзнь и перейдетъ на нихъ, а съ него сойдетъ, и онъ,—Богъ милостивъ,— поправится. Все это и исполнила Христина въ точности. И подлинно, зубы ли Борисовы гнить стали на могилѣ, хотя гнить-то имъ словно бы еще и рано, муравьи ли съѣли лица, хотя въ это время года уже трудно предполагать муравьевъ на поверхности земли, но только Борисъ мало по малу началъ поправляться, а наконецъ и совсѣмъ выздоровѣлъ. И живетъ онъ съ того времени совсѣмъ безъ зубовъ, не переставая однако же и безъ нихъ толковать про мірскую совѣсть. Да и хозяйство-то его пришло теперь въ полное разстройство и упадокъ, хотя Христина и бьется изо всѣхъ силъ, чтобы возстановить его въ прежнемъ видѣ. Да гдѣ же! думаетъ она; мудрено ужъ тутъ возстановить его, когда вынута изъ хлѣба спорынья.

Θ. Тихвинскій.

(Изъ Тул. Епарх. Вѣд.).

Дозволено цензурою. 28 Юля 1882 года.

Типографія Н. И. Соколова, въ Тулѣ.

ΘΕΜΑΤΑ ΠΡΟΤΕΙΝΟΜΕΝΑ

Крестьянина Ивана
Иванова
С. Мухоморову
внучку
от автора
13 Марта 1883.

